

МВ и ССО РСФСР
УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. М. ГОРЬКОГО

В. В. Блажес

П. П. БАЖОВ И РАБОЧИЙ ФОЛЬКЛОР

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ПО СПЕЦКУРСУ
ДЛЯ СТУДЕНТОВ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА

СВЕРДЛОВСК
1982

Ш5 ~~1977-012~~
Б683

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета Уральского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета имени А. М. Горького

Научный редактор доктор филологических наук, профессор **В. П. Кругляшова**

Рецензенты: кафедра русской и советской литературы Тюменского государственного университета;
Н. В. Кузнецова, главный библиограф Свердловской публичной библиотеки имени В. Г. Белинского

ВВЕДЕНИЕ

**Великая честь для художника —
учиться у народа и работать для
народа.**

П. П. БАЖОВ

Павла Петровича Бажова обычно называют волшебником, народным мудрецом, сказочником, тем более и сам писатель говорил: «Я только исполнитель, а основной творец — рабочий»¹. Но он называл себя и «журналистом первого призыва», «журналистом с 1918 года», подчеркивая свою принадлежность к литераторам, рожденным Октябрем и утверждающим его идеи. Слово «журналист» было для П. П. Бажова синонимом слов «парработник», «политработник»: писатель считал главной в своей деятельности партийную направленность — именно она была сущностной и живоносной силой всей его послеоктябрьской жизни.

Нужно напомнить, что П. П. Бажов закончил Пермскую духовную семинарию еще в конце XIX века. Затем он почти двадцать лет проработал в различных учебных заведениях, дослужился до коллежского асессора, стал по официальной «табели о рангах» чиновником восьмого класса. Ему было почти сорок лет, когда свершилась Великая Октябрьская революция и началось его духовное обновление.

В 1918 году П. П. Бажов стал коммунистом, добровольно вступил в Красную Армию, редактировал газету политотдела 29-й дивизии «Окопная правда», попал в белогвардейский плен и бежал, был сибирским пар-

¹ *Бажов П. П.* Публицистика. Письма. Дневники. Сост. В. А. Бажова и М. А. Батин. Свердловск, 1955, с. 46. Далее цитируется это издание с указанием в тексте страницы.

тизаном, партийным работником, членом Семипалатинского губернского комитета партии, редактировал газету «Красный путь» на Урале, затем много лет работал в «Уральской областной крестьянской газете», в различных издательствах, в 40-е годы руководил Свердловским отделением Союза писателей, был депутатом Верховного Совета СССР, был лауреатом Государственной премии СССР... В биографии П. П. Бажова — «журналиста первого призыва» — нет ничего скучного, не освещенного высокой идеей.

Общественно-активный заряд его личности усиливался постоянной работой над собой. Он всю жизнь сохранял интерес к новому, непознанному. И не уставал учиться. Поражает, например, факт: П. П. Бажов, когда ему шел пятьдесят восьмой год и когда он еще не был автором знаменитых сказов, подает заявление в Литературный институт им. А. М. Горького с просьбой зачислить его на заочное отделение, чтобы «систематизировать» свои знания «по отделению прозы». Он не суетился, сразу жил набело и, если чувствовал в чем-то свою некомпетентность, расчетливо ликвидировал ее. Сама жизнь писателя П. П. Бажова — высокий и поучительный пример для современного молодого человека.

Правда, сегодня мало кто из молодых читателей помнит бажовские статьи и книги 20—30-х годов. Очевидно, только специалист или книголюб сможет охарактеризовать «Уральские были», «К расчету!», «Бойцы первого призыва», «Пять ступеней коллективизации», «Формирование на ходу» и другие историко-революционные, публицистические произведения писателя, созданные в «досказовый» период. Они остались произведениями своего времени. Зато живут в большом времени сказы П. П. Бажова.

К сказам его опять-таки привела неумность литератора, открыто защищающего интересы рабочего класса. Все произошло вроде бы случайно, но в этой случайности проявилась, конечно, закономерность. В 1936 году фольклорист В. П. Бирюков подготовил сборник «Дореволюционный фольклор на Урале», однако в издательстве обратили внимание на то, что в книге никак не представлен рабочий фольклор. В. П. Бирюков ответил, что «он его нигде не может

найти». П. П. Бажов мог бы остаться в стороне, тем более, что редактировала книгу Е. Блинова. Но речь шла о поэтическом творчестве уральских рабочих! «Меня это просто задело, — вспоминал позже П. П. Бажов, — как так, рабочего фольклора нет? Я сам сколько угодно этого рабочего фольклора слышал, слышал целые сказы. И я в виде образца принес «Дорогое мячко» (с. 110).

П. П. Бажов опубликовал в этом фольклорном сборнике и в журнале «Красная новь» в 1936 году несколько сказов как «восстановленных по памяти через пятьдесят лет». Скоро стало ясно, что это оригинальные литературные, а не фольклорные произведения. Он начал усиленно работать в открывшемся направлении, и первое же издание «Малахитовой шкатулки» в 1939 году принесло писателю всесоюзную известность. С этого времени обозначилась основная литературная ориентация П. П. Бажова — создание сказов об уральских рабочих.

Свои сказы П. П. Бажов писал как непосредственный отклик на самые насущные народные нужды. И здесь он проявлял обычную для «журналиста первого призыва» оперативность и четкость социально-политической трактовки материала. Во всех сказках писателя, будь то «Серебряное копытце», адресованное детям, или «Живинка в деле», напечатанная в военном 1943 году в «Уральском рабочем», «Правде», «Труде» как актуальный злободневный материал, — во всех сказках разрабатывается одна тема: жизнь простого труженика.

Писатель показал противоестественность крепостной эксплуатации рабочих людей, вскрыл творческое начало в труде дореволюционных пролетариев и советских рабочих, различные формы их социальной активности, охарактеризовал психологию рабочего коллектива. Он воспел нравственные и трудовые качества гранильщиков, камнерезов, углежогов, старателей, горщиков, шахтеров, медсплавильщиков, прокатчиков... Все они — люди пытливого творческой мысли, добрые, человечные. Действительность в бажовских сказках изображена с высот народной нравственности. Сказы несут в себе концентрацию высокой духовности, те этические и эстетические ценности, которые определяли

и определяют духовное бытие рабочих. Поэтому бажовские сказы, написанные в 30—40-е годы, остаются живым явлением нашей эпохи научно-технической революции.

Непреходящая эстетическая ценность бажовских сказов в существенной мере обусловлена их органичным фольклоризмом. «... П. П. Бажов совершил своего рода открытие, показав, как преобразуется народное творчество в нашем советском мире, как, не теряя своих природных форм, бесконечно разнообразных и ярких, оно наполняется новым, социалистическим содержанием, приобретает законченность мастерского художественного произведения... Он... переплавлял богатейшие руды народных преданий, сказов, поговорок, столетиями бытовавших на Урале, в свои сказы. Оставаясь народным писателем, он был и передовым литератором-коммунистом, и поэтому сказы его, такие пленительные, непосредственные по форме, в то же время так глубоки и богаты и в лучшем смысле современны своим содержанием»².

Под этими словами Б. Полевого могли бы подписаться авторы книг и статей о творчестве П. П. Бажова — все они, без исключения, констатируют фольклорную основу сказов как нечто очевидное.

* * *

О фольклоризме бажовских сказов написано достаточно много. Еще в конце 30 — начале 40-х годов, когда потребовались доказательства литературной оригинальности сказов, критики, журналисты обращались в первую очередь к Бажову с просьбами объяснить, растолковать, «раскрыть секрет» того или иного фольклорного сюжета, мотива, образа, охарактеризовать генетические истоки какого-нибудь сказа и т. п. Бажов постоянно отвечал, что он ничего не сочиняет, а просто в меру своих сил, способностей передает то, что когда-то слышал в рабочей среде.

Его суждения, воспоминания записывались собеседниками и в дальнейшем служили К. Рождественской, Л. Скорино, М. Батину и другим фактической основой для работ о творчестве писателя. К примеру,

² Полевой Б. Певец чудес человеческих. — В кн.: Бажов П. П. Уральские сказы. М., 1979, с. 6.

К. Рождественская записала 11 января 1939 года рассказанную для нее биографию, затем его мнения, высказывания в разговорах с ней 11, 13, 15 декабря 1938 года, 21 января 1939 года, в апреле, июле 1939 года, 26, 29 декабря 1939 года, в январе, марте, октябре, ноябре 1940 года, в октябре 1942 года, в январе и 29 ноября 1943 года, в январе и апреле 1944 года. Л. Скорино записала беседы с писателем 25 июня и 17 декабря 1942 года, 30 января, 23 и 29 марта, 15 апреля, 24 мая 1943 года и в другие дни, отмеченные приблизительно: в июле 1942 года, в январе, в мае 1943 года. М. Батин беседовал с Бажовым 16 и 26 августа 1950 года в присутствии стенографистки и затем стенограмму опубликовал³.

Устные высказывания Бажова, зафиксированные в статьях, книгах, воспоминаниях тех, кто с ним общался, представляют в настоящее время большую ценность для исследователя фольклоризма Бажова, хотя иногда нужна осторожность в обращении с ними. Например, М. Батин вспоминает: «Правку стенограмм пытались мы провести вместе. Но оказалось это дело медленным и для Павла Петровича утомительным. Писатель попросил меня отредактировать записи»⁴. Бажов был уже смертельно болен, поэтому он лишь прочитал и подписал отредактированную М. Батиным запись беседы. Видимо, М. Батин вносил какие-то свои вставки в текст беседы, с которыми писатель согласился. Но они все-таки не его. Сам М. Батин пишет: «Он (Бажов. — В. Б.) пошарил лупой по листу: «Тут вы слова Маяковского привели: «Я хочу так, чтобы мне велели». Он ведь об этой самой морали говорил...»⁵. Реплика Бажова «Вы тут слова Маяковского привели» очень определена: в стенограмме это место не высказывание писателя, а вставка, сделанная собеседником.

Записанные устные высказывания Бажова необходимо сравнивать между собой и обязательно с его письмами, рецензиями, стенограммами, выправленными им самим. А в целом мы имеем богатый источник,

³ См.: Уральский современник. Свердловск, 1952, № 20.

⁴ Батин М. Жанр и мастерство. Воспоминания, литературно-критические статьи. Свердловск, 1970, с. 14.

⁵ Батин М. Жанр и мастерство, с. 15.

освоенный недостаточно, ибо исследователи по сути дела до сих пор не поднялись над смыслом собственно бажовских суждений о сказах.

Кажется, ни с одним писателем не случалось того, что случилось с Бажовым: он сам давал интерпретации своих сказов или, по крайней мере, подробно разъяснял фольклорную основу, а литературоведы затем только развивали его мысли. Больше других его разъяснения использовала Л. Скорино. Она их широко обобщила, придала им научную значимость и на этой основе написала первую монографию о творчестве Бажова⁶. На этой книге нужно остановиться, поскольку она определила методику дальнейшего изучения сказов Бажова.

Отметив органическую связь сказов Бажова с народным творчеством, Л. Скорино провела анализ этой связи с полнейшим игнорированием фольклористических данных. К примеру, о книге В. Я. Проппа «Морфология сказки» Л. Скорино написала, что это не исследование, а «механистическая и формалистическая регистрация приемов»⁷, хотя книгу после выхода в свет положительно оценили ученые очень высокого ранга: Д. К. Зеленин, В. Н. Перетц, В. М. Жирмунский. Л. Скорино, обращаясь к собраниям А. Н. Афанасьева, В. П. Бирюкова, А. В. Ионова, Е. М. Блиновой, привлекаемая фольклорные тексты, начисто отвергает исследование. Для нее самым авторитетным ученым стал Бажов. Его мнение по любому историко-фольклорному или фольклорно-этнографическому вопросу принималось как научно обоснованный аргумент, как исследовательский вывод. Своей интерпретацией, основанной на фольклористических суждениях писателя, Л. Скорино настолько «сковала» содержание сказов, что все литературоведы и фольклористы, писавшие позднее, вынуждены были повторять ее построения, характеристики, выводы или слегка их видоизменять, конкретизировать, дополнять. Пожалуй, лишь Р. Гельгардт составляет исключение.

Однако в методике Л. Скорино и ее последователей кроется ошибка: они учитывают фольклористические

⁶ См.: Скорино Л. И. Павел Петрович Бажов. М., 1947.

⁷ Там же, с. 144.

суждения Бажова как научные данные, а этого делать нельзя без специальной проверки, поскольку они находятся в русле народной фольклористики. Не вдаваясь в подробности, скажем главное: народные певцы и рассказчики, вообще все, кто знает фольклорные произведения, всегда касаются чисто фольклористических проблем, они по-своему объясняют темы, идеи, образы, жанровые признаки, вариативность, региональные особенности, трансформацию, историю бытования народнопоэтических произведений и т. п. Фольклористические представления, наряду с другими представлениями, выявляются не только в разговоре с собирателем, не только в виде замечаний, пояснительных речей во время исполнительской деятельности, но и текстуально материализуются или в процессе рассказывания отдельного произведения, например сказки, когда сказочник передает нереальность сказочного повествования через систему композиционных и стилистических средств, или во время единичного проявления исполнительства (например, пение сказителем былин), когда обнаруживается их особая соотнесенность. Вообще говоря, сами художественные приемы, структурные элементы, формообразования несут в себе определенную познанность специфики народного искусства. И задача состоит в том, чтобы это выявить и использовать для углубленного изучения актуальных проблем.

Можно утверждать, что у каждого народа существует вполне устойчивая, исторически изменяющаяся система представлений, система знаний о специфике своего устного искусства. Это и есть народная фольклористика. Она существует наряду с народной историей, народным правом, народной философией, народной педагогикой и т. п. В народной фольклористике несомненные ценности соседствуют, переплетаются с наивным, эмпирическим, подчас глубоко ошибочным, поэтому фольклорист относится к ней примерно так же, как медик — к народной медицине: он может использовать данные народной фольклористики, если они научно проверены, или пренебречь ими, если они специально не исследовались. По крайней мере, они никак не связывают фольклориста. Зато литературовед, для которого все сказанное писателем — безусловная цен-

ность, допустит методическую ошибку, если абсолютно поверит фольклористическим суждениям писателя. Эти суждения еще должны пройти проверку на научность.

Литературовед, обратившийся к изучению творчества писателя, органически связанного с фольклором, должен учитывать существование народной фольклористики как особой области народного знания, в противном случае он не продвинется дальше констатации текстуально материализованных фольклорных реминисценций и их элементарного интерпретирования в свете писательских суждений. К сожалению, именно это случилось почти со всеми, кто писал о сказах Бажова. Анализ сказов в свете фольклористических высказываний Бажова привел, в конце концов, к прямолинейному объяснению сути некоторых фантастических персонажей, их генезиса, вообще фольклоризма, к упрощенному разговору о мастерстве писателя.

На стилистическом, предметно-образном, частично сюжетном уровнях фольклоризм Бажова в общих чертах раскрыт. Могут быть лишь сделаны добавления, уточнения. И главное — нужен широкий, непредвзятый взгляд на взаимоотношения Бажова с рабочим фольклором. В нашей работе фольклоризм сказов будет рассматриваться преимущественно на сюжетно-композиционном и жанровом уровнях. Подробно будет охарактеризован Бажов как носитель и собиратель рабочего фольклора.

П. П. БАЖОВ КАК СОБИРАТЕЛЬ РАБОЧЕГО ФОЛЬКЛОРА

В беседах, письмах, газетных статьях и выступлениях на конференциях Бажов постоянно касался истории рабочего фольклора, методики собирания и публикации народной поэзии. Он много лет занимался собиранием рабочего фольклора, поэтому его наблюдения до сих пор не потеряли своей ценности. «Фольклористам нужно учесть опыт Бажова, вдумчиво отнестись к его высказываниям, отвести то, что представляется в них неприемлемым с точки зрения современной науки, бережно отобрать и использовать то, что полезно для науки,» — справедливо пишет М. Батин (с. 23).

Бажов заметил, что старый рабочий фольклор особенно интересен в среде пожилых людей, поэтому к ним он всегда обращался за любой фольклорно-этнографической информацией и уважительно называл их «институтом заводских стариков».

К институту заводских стариков писатель относил не знатоков крестьянского песенного фольклора («свадебщиков», по терминологии писателя), не сказочников и не стариков-грамотеев, которые много читали и любят пересказывать прочитанное, а именно пожилых заводчан. «... Ведь кто эти заводские старики? Не обязательно люди 60—70 лет. Они могли быть и моложе. Это люди, работавшие на заводе 25—30 лет, а в дальнейшем они превратились в инвалидов»; ... заводы не давали пособий таким «изрожденным» рабочим, а переводили их на более легкие должности: сторожей, кладовщиков, кордонщиков. «Когда вы приходите на любой завод и заходите к кордонщику, то встречаете старика, который или работал у домны, или был литейщик. Он имеет огромный опыт по своей отрасли... он может этот опыт оценить по-своему, рассказать о нем...» (с. 48).

Одновременно Бажов отмечал, что хотя старики многое знают и оценивают по-своему, часто эта «оценка противоречива». Рассказы заводских стариков «нужно воспринимать критически», но в целом все-таки относиться к таким людям «с большим уважением» (с. 52). Особенно результативны «общие беседы со стариками производственниками, когда они дополняют друг друга, а порой и спорят». Причем устраивать нужно не собрания, а именно беседы: «Попытки помочь этому делу (сбору фольклорных материалов. — В. Б.) путем широких собраний, по моему личному опыту, никогда не дают желательных результатов. Известная доля подтянутости, официальности на таких собраниях мешает перейти им в ту задушевную беседу, в которой обычно и появляется самое дорогое...: «А я вот слышал, тоже еще такую побасенку рассказывали старики», «Мой дедушко робил на нынешнем Шниелите, так он говорил» и т. д. (с. 55).

Сам Бажов всегда стремился организовать именно «задушевную беседу» со стариками. И говорил о них с большой теплотой, независимо от того, имелся в ви-

ду, например, знаменитый горщик Д. К. Зверев или никому неизвестный рабочий (кстати сказать, Бажов часто называет своих информантов не по фамилии, а просто: старый литейщик, старик производственник, старый караульщик-инвалид на плотине, заводской старик). Писатель разыскивал таких стариков через читателей, знакомых. Выступая перед читателями, он просил «указать тех стариков», которые любят рассказывать про старину, а приезжая в какой-нибудь поселок, обязательно устраивал беседу.

Поскольку это пособие адресуется студентам-фольклористам, у которых собирательский опыт минимальный, видимо, есть резон привести здесь описание одной беседы Бажова со стариками-старателями летом 1939 года. Она проходила в Полднейвой Полевского района Свердловской области. Описание передает атмосферу, структуру беседы, характер бажовских вопросов и ответов собеседников и многое другое, что необходимо знать студенту в его собирательской работе.

«... Собрались сплошь старатели — кто в прошлом, кто в настоящем. В подавляющем большинстве люди в годах, с бородами. Уселись с достоинством вокруг стола, сдвинулись поплотнее и выжидающе умолкли, поглядывая на Павла Петровича: с какого-де краю беседу начинать?»

Разговор начался с хризолитов. Близ Полднейвой находились хризолитовые прииски, едва ли не единственные на Урале. Один из старателей, возрастом старше других, принялся рассказывать:

— Украдкой добывали. Запрещали хризолит-то искать. А все равно робыли. Ночью робыли, а днем в горах скрывались. Лесники нагонят, кричат: «Вон они!» — давай дуть! Изобьют до крови. Телеги, снасть изрубят. Почитай, все село пересидело в тюрьмке за хризолит.

— О долгой груди расскажи, — подсказывают сидящие.

— Что за долгая грудь? — настораживается Павел Петрович.

Он сидит в центре живописной группы — хоть пиши маслом коллективный портрет! Знакомая книжечка-блокнот выложена на стол и раскрыта на чистой странице. Рядом карандаш.

— Долгая груда, --- объясняет рассказчик, — это тридцать четыре человека решили друг за друга держаться, робить вместе, открыто, никого не бояться, — артелью. А нарядчики — с ружьями. Стреляли, одного ранили. Народ разбежался. Нарядчиков много, человек восемнадцать. Ну, цельная война у нас с ними получилась. Народ тоже стал постреливать ночами в избу, где нарядчики жили... Они тут же жили. Загорались они железными листами. Ну, постреливали. Этим и выжили их.

Он умолкает, ожидая, когда карандаш перестанет двигаться по бумаге.

— Что за нарядчики?

— От Хомутова. Государство ему место сдавало, а он платил ничтожно, и никто ему сдавать добытое не хотел. Ну, нарядчиков и держал. Чтобы, значит, кто не сдает, на его земле не робил.

— Кому же сдавали?

— Известно, частные скупщики во много раз больше платили.

— А сколько все-таки?

— С голубино яйцо рублей за двести шло.

— А как на сорта делились?

— Четыре сорта было. Хризолит первый сорт — крупный, чистый, зеленый. Второй сорт — мельче. Третий — зеленый, с трещинами. Четвертый — желтый.

— А сейчас, считаете, можно работать? Есть еще хризолиты-то, не все выбрали?

— Можно, можно работать! И зиму и лето! — зашумели, заволновались вокруг, кивая согласно головами.

— Ну, зиму, правда, нельзя, — поправил рассказчик. — А можно работать, можно.

...Стемнело. Посредине стола поставили лампу-молнию. Неловкость, какая обычно бывает при встрече с незнакомыми людьми, незаметно прошла. Старики поддакивали один другому, вставляли свои замечания, поправляли, если кто-нибудь говорил не так.

Павел Петрович сидел, облокотившись на стул и опустив глаза на раскрытый блокнот, лишь время от времени, когда задавал очередной вопрос, вскидывая глаза на собеседника. Со стороны могло показаться,

что он слушает плохо и не то погружен в свои мысли, не то дремлет. Но стоило замолчать очередному рассказчику, как немедленно следовал новый вопрос:

— На Иткуле теперь работают?

Или:

— А на Омутинке как?

И сейчас же вставлял сам:

— Ну, это один пропой был, а не работа.

Из этих реплик чувствовалось, как хорошо знает Павел Петрович тему беседы, здешние места. И это еще более оживляло разговор.

— Помногу намывали?

— Всяко бывало. Иной раз на лапти только и зарабатываешь. Ну, бывало, фартанет — так сразу сапоги с набором.

— Пили, поди?

— Не без этого. Известно, в старое-то время все богатство промеж пальцев шло. Найдет старатель золотины, дружок⁸ вина принесет и поставит посреде майдана. Пей кто хошь! Дескать, на мою жизнь хватит. Ну и пропьет все. А потом, почитай, нагишом сно-ва мыть идет.

— Тоскливо бывало подолгу в лесу жить?

— А это кому как. Есть у нас тут одно место, низменное такое. В лесу. Ничего место, сырое маленькое только, — логотинка, словом. Сдавна Веселым Логом зовут...

— Веселым? Это почему?

Полуопущенные веки поднялись, за ними блеснул огонек любопытства и пытливости, карандаш в маленькой, по-женски округленной руке настороженно замер, готовый неторопливо вновь двинуться по бумаге.

Следует пространное и довольно запутанное объяснение, почему лог назвали веселым, «веселухиным»⁹,

⁸ Дружок — пара ведер. Прим. автора.

⁹ Позднее написанный сказ «Веселухи ложок» связан с Златоустом. Не знаю, оказался ли там свой «Веселый лог» или какие-либо другие соображения заставили Павла Петровича перелестить место действия на Южный Урал, но что впервые о «Веселухином ложке» Павел Петрович услышал в Поднепровье, тому я свидетель. — Прим. автора.

упоминаются какие-то немцы, приезжавшие в эти места и ни с чем уехавшие обратно, озорная девица, поводящая будто бы всех с ума, и т. д., но Павел Петрович быстро уловил суть и не спеша набрасывает ее на бумаге.

— А вот кто бы рассказал, как золото искали? — спрашивает он. — По каким приметам?

Тут случилось неожиданное. Беседа на минуту превратилась, произошла короткая заминка. Видимо, у стариков где-то в глубине сознания все еще жило, по старой памяти, опасение, привитое веками подневольной, тяжелой доли, как бы не выдать своей тайны, своих испытанных, выработанных поколениями горщиков и известных лишь сравнительно узкому кругу людей приемов поиска благородного металла, своих немудрых, но крайне существенных примет.

Однако они тут же вспомнили, что время теперь не то и человек, приехавший к ним, не тот, какие езжили прежде, «при старом режиме», что таиться не к чему, даже более того — нехорошо, и беседа возобновилась с прежней готовностью и заинтересованностью с обеих сторон.

— Приметы всякие. Главное дело — попутный лог найти...

— Какой, какой лог? — недослышав, переспрашивает Бажов.

— Попутный. Это — который с юга на север или с запада на восток идет, тот и попутный. Если его нет, и искать нечего. А есть — копай смело. Копашешь до песочка, песочек — на вашгерд. Показалась бусинка — значит, надо мыть...

В книжечке рядом со словами «долгая груда», «веселый ложок» появляется новая запись: «попутный лог». Туда же заносятся отдельные выражения, неожиданные словообразования и связанные со старательским делом, незнакомые в других местах термины, которыми обильно уснащена речь беседчиков.

Вот откуда брал Бажов яркие, самобытные слова-самоцветы, нередко заменяющие собой целое понятие, фразу, вбирающие в себя не только деловое, так сказать, служебное назначение слова, но и образ. Так во-

шли в его литературный обиход выражения «мелкая жужелка», «золотинка», «таракан»¹⁰...

Ряд понятий, слов, услышанных в тот вечер в Полдневой, вошел в постоянную лексику сказов, а также в пояснения, которыми сопровождал тексты своих произведений П. П. Бажов.

— А платину не мыли? — снова спрашивает он, шаг за шагом расширяя рамки беседы.

— Ну, как не мыли! Мыли. Сперва долго не знали, что за платина такая. Старики сказывали — из ружей вместо дроби стреляли. Тяжелая, тяжелее свинца, летит хорошо.

...Беседа со старателями затянулась почти до полуночи»¹¹.

Результаты постоянного общения с заводскими стариками сказались очень быстро. Уже в 1945 году Бажов говорил, что теперь собирание фольклора для него облегчается «подсказками тех уральских стариков, которые прочитали мои книжки и напоминают: «Вот об алапаевском Мигунчике (береговая скала на Нейве) тоже надо бы рассказать», «почему не напишешь о Семичеловечьем?» (гора в Махневском районе), «когда же будут сказы о платине?» и т. д. Иногда заходят ко мне и рассказывают: «А я слышал про Тургояк вот такую штуку...» (с. 54).

Бажов ощущал, что в первую очередь старые рабочие хранят то, что «свойственно только русскому народу» и «выражается в изображении трудовых процессов, в отношении к труду» (с. 117). Писатель умел видеть в фольклоре рабочих сущностное и особенное. И хотя до Бажова о рабочем фольклоре писали многие литераторы и исследователи, но потребовался именно бажовский взгляд, который помог выявить, например, поэтику рабочих профессий и ее отражение в народном творчестве. Можно напомнить, что ему принадле-

¹⁰ Небольшие самородки в несколько граммов. — Прим. автора.

¹¹ Извлечено с небольшими сокращениями из воспоминаний писателя Б. Рябинина. См.: *Рябинин Б. С. По следам легенды.* — В кн.: *Бажов П. П. Сборник статей и воспоминаний.* Сост. К. В. Рождественская. Пермь, 1955, с. 249—253; см. также: *Мастер, мудрец, сказочник. Воспоминания о П. Бажове.* Сост. В. А. Стариков. М., 1978, с. 288—292.

жит уникальная обстоятельная характеристика «культы навыков» у рудознатцев и угольщиков, «культы тайны» у горняков, «культы силы» у рабочих прокатных цехов, «культы искусства» у камнерезов и гранильщиков.

Устные рассказы и предания заводских стариков интересовали Бажова и как обычный источник фактической информации. В них он черпал сведения о решающей роли народных масс в развитии горнозаводской промышленности на Урале. Бажов был убежден в истинности рабочих преданий, повествовавших о том, что до организации государственных заводов на Урале уже существовали «мужицкие заводы», представлявшие собой кузницы, переросшие в «заводы с применением водяной энергии и наемных рабочих» (с. 92—93). Сметливые и предприимчивые мужики осваивали уральские земли, а государство шло по их следам; этих следов осталось мало, они расплывчаты, но они есть, и здесь многое могут прояснить предания старых рабочих. В них можно также почерпнуть сведения по истории того или иного ремесла, промысла. Бажов ссылался на разыскания П. Зверева, который обследовал гранильный промысел в Березовске и выяснил, что к концу XIX века там уже три поколения Ошурковых занимались этим делом, а «они, по семейным преданиям, учились у Черепанова», который перенял опыт, трудовые навыки у родоначальника березовских гранильщиков — Брусницына (с. 73).

Ради объективности стоит сказать, что Бажов не всегда последователен в своих фольклористических суждениях. Сравнивая его высказывания, можно, к примеру, заметить, что он, отвергая варианты народных песен и сказок, благосклонно относился к вариантам преданий старых производственников и фактически признавал вариант единственно возможной формой существования устной исторической информации. В статье «О путях к чудесному» он рассказывает о своей собирательской работе по теме «Немцы в уральском рабочем фольклоре»: «Старик горщик из деревни Кунгурки на вопрос о немцах стал рассказывать о немце-золотопромышленнике Бревере. Все это уже было мне известно. Спрашиваю, не слышал ли чего о «старинных» немцах. Мой собеседник вспомнил: «Сказывали

старики про одного немца. Он будто целую гору проглотил и все наши заводы сшамкал. Вот какой брюхан!» Кроме этого мой собеседник ничего сказать не мог, но вскоре в другом районе я встретил старика, который дал новый вариант этого же рассказа: «Точно! Был такой немец! Над горами его начальником поставили, а он взял да одну гору и сглотнул и еще половину здешних заводов слопал». По этим отрывкам нетрудно догадаться, — продолжает Бажов, — что речь идет о немце Шемберге, который в пору бировщины захватил в свое владение гору Благодать с прилегающими к ней заводами и организовал раздачу казенных заводов в частные руки» (с. 52). Писатель полагал, что другие варианты подобных преданий следует искать в районе Кушвы, Баранчи — «о старинных немцах там более подробно говорят» (с. 52).

Бажов не уставал говорить о своей вере в историческую и эстетическую ценность рабочего фольклора, и эта вера заставляла уже немолодого писателя в трудное военное время совершать поездки по горнозаводским районам Урала, разыскивать старых рабочих, помнивших предания. Особо подчеркнем, что писатель разговаривал с заводскими стариками не о жизни вообще, а о жизни, трудовой деятельности каждого, как он сам выражался, у него «основная ставка» была на «биографию рассказчика».

Повествуя о своей жизни, старый рабочий не только информировал писателя о работе на производстве, но и вносил много личных наблюдений, таких деталей, которые сразу оживляли рассказ, делали его исторически достоверным, неповторимым, особенным. Внимание Бажова к семейным преданиям, рассказам-воспоминаниям показательны.

Старики на семейных преданиях воспитывали молодежь, передавали ей свой трудовой, житейский, социально-общественный опыт, прививали подрастающему поколению уважительное отношение к дедам и пращурам, обыкновенным труженикам. В твоей «породе» нет бездельников, перекасти-поле — такую мысль постоянно внушали молодым старики, хранители семейных и трудовых традиций. В бесхитростных на первый взгляд рассказах о том, как «родители наши» добывали руду, жгли уголь, обрабатывали землю, работали

на заводе, заключена простая и мудрая мысль: трудом жив и трудом славен человек.

В дореволюционное время в рабочей среде существовала традиция, предписывавшая знание родословной. Предписывалось знать главным образом предков по мужской линии. О далекой родне следует помнить, но нельзя на нее полагаться — именно такой смысл многих фольклорных пословиц, к примеру: «Родных много, а как тонуть — не за кого ухватиться», «Родня среди дня, а как солнышко зайдет, никого не найдет». К очень дальней родне у рабочих было скорее скептическое, ироническое отношение. В. П. Бирюков с пометой «шуточно о крайне далекой родне» дает уральскую поговорку: «Фотинья, Устинья, двоюродна Аксинья, Сидор Макару родной Харитон»¹².

Память легче удерживала имена отца, деда, прадеда, к ним присоединялись еще два-четыре имени предков. Скорее всего, полная родословная требовала наличия семи предков, хотя есть записи генеалогических преданий, где названы девять поколений. Как правило, в семейно-родовых преданиях больше всего говорилось об основателе рода и о жизни последних двух-трех поколений, а остальные представители династий только сохраняли имена. Все предания имели тенденцию к «втягиванию» сведений о знаменитостях. Если предок был чем-то известен, то он мог упоминаться один, а другие «родовые звенья» или выпадали, или их число сводилось к минимуму. В рабочих семейных преданиях основатель династии или один из далеких предков — это первопоселенец, или крестьянин, вывезенный из центральных районов России, или человек, обладавший какими-то незаурядными качествами: силой, непокорностью, бесстрашием, трудовой сноровкой, социальной активностью. Бажов писал, что в старой рабочей среде «всякий первый добытчик, открыватель рудника или прииска как-то связывался с тайной», причем «у горщиков, рудознатцев тайна играла большую роль, чем у угольщиков или доменщиков» (с. 49).

¹² Бирюков В. П. Дореволюционный фольклор на Урале. Свердловск, 1936, с. 20.

Поэтому в любом поселке часто распространялись вымышленные объяснения удачи или знаний, опыта того иного рабочего, и подобные мотивы пропикали в семейно-родовые предания. В очерке «У старого рудника» Бажов пишет, что ему в конце XIX — начале XX века в Сысерти и Полевском приходилось слышать такие соображения рабочих: «Словинку знает; пособничков, видно, имеет, да нам не сказывает; в тот раз в кабаке похвалялся — Полозов след видал, потому и находит; дедушко у них на эти штуки дошлый был, он, поди, и открыл всю тайность».

Бажов был всегда внимателен к именам, уличным прозвищам, фамилиям своих собеседников; воссоздавая в сказах жизнь рабочих, он переносил из быта заводчан традицию прозвищ. Почти в каждом сказе действуют герои с одним, а то и с двумя уличными прозвищами. Они определяли человека по одному какому-то признаку и были не обидны, хотя порой насмешливы. Зато морально нечистоплотные люди, хозяйские холуи, получали резко снижающие, сатирические прозвища: Тараканье мыло, Жареный зад, Полторы хари, Бревер Усатик, Фуйко Штоф, Душной козел, обер-мастер Устав Уставович Шпиль. Про последнего Бажов пишет: «Заводские дивились, до чего кличка ловко подошла: голенастый да головастый, а нос вроде спицы — зинуны вешать. Ни дать ни взять — барочный шпиль, коим кокоры к бортам пришивают. И ума не больше, чем в деревянном шпиле». Писатель отлично знал во всех проявлениях обычай давать прозвища и находил здесь весьма значимый материал. В частности, он заметил, что фамилии и прозвища жителей Сысерти, Полевского несут, кроме эмоционально-образительного начала, информацию о национальности (Зыряновы, Пермьяковы), о месте, из которого люди были привезены на Урал (Вологодцевы, Устюжанины), о производстве, на котором пришлось работать (Валовы, Засыпкины, Кузнецовы). Иногда уличное прозвище в виде фамилии было переводом забытого слова: у Турыгиных было прозвище Бураковы, у Тулункиных — Кожины. «В сущности это перевод слов: турыга — бурак, тулун — кожа, снятая рукавом. Можно думать, — пишет Бажов, — что это были русифицирован-

ные и окрещенные представители народности коми»¹³.

В коллективных прозвищах закреплялась какая-нибудь неожиданная, но реальная черта жителей околотка, села, завода, округа. В. П. Бирюков в свое время собрал массу коллективных уральских прозвищ: жителей Бакала за привычку вводить в речь слово бат (стяжение — «бает») прозвали батами; жителей Каслинского, Нижне-Сергинского, Михайловского, Нязенетровского и Бисертского заводов за певучий говор называли гамаюнами; за рабочими Верх-Нейвинска закрепилось прозвище обушники после того, как рабочий Пузанов обухом топора убил управителя завода за его самодурство; жителей Кусы звали зобанами за распространенность среди них базедовой болезни; существовали такие прозвища, как игольники, крупенники, кузюки, куштумские растягаи, скопари, чернотропы, шамшурники и многие другие. Коллективные прозвища были очень распространены. «Кто жил в деревне, тот знает, что даже жители двух соседних деревень изощряются в своем остроумии насчет друг друга: подметят какой-либо смешной обычай, манеру говорить и т. п. и потом смеются, выдумывают друг на друга прозвища. Подобное отношение к своим соседям породило целую литературу народных рассказов... Множество подобных рассказов можно найти в известной книге «Анекдоты древних пошехонцев» В. Березайского (1798), затем в сборниках Афанасьева, Сумцова, Худякова, Ончукова»¹⁴.

Показательно, что одним из первых у Бажова был написан анекдотический сказ «Про водолазов». В нем описывается крестьянское восстание (картофельный

¹³ Бажов П. П. Малахитовая шкатулка. Сказы старого Урала. Свердловск, 1939, с. 152. Бажов вспоминал: «... в последние годы семинарии был такой случай... Наш швейцар-зырянин сообщает мне: «К тебе приходил Петухов». — «Нет у меня знакомых с такой фамилией». Швейцар описал внешность. — «Так ведь это же Поткин». Швейцар возразил: «Не все ли равно — потка или петух». Меня это поразило. Оказалось, у Поткина есть уличное прозвище — Петухов. Посмотрел у Даля: потка — петух — вологодское слово. Достал словарь северных наречий. Присмотрелся к прозвищам: по существу это переводы. С той поры стал я интересоваться историей своего заводского края» — Бажов П. П. Сборник статей и воспоминаний, с. 182.

¹⁴ Сивченко С. В. Русская народная сказка. История собирания и изучения. Киев, 1914, с. 39.

бунт» 1842 года) через объяснение коллективного прозвища церковнослужителей Камышловского и Шадринского (частично Ирбитского) уездов. Бажов специально оговаривается, что слышал он о давнем событии во фронтовой обстановке 1918 года от старика из деревни Байновой близ Каменского завода, в бывшем Камышловском уезде.

В очерке «У старого рудника» Бажов фиксирует коллективные прозвища рабочих Сысертского горного округа: жженопятики (фабричные рабочие), кроты и пескомон (горнорабочие и старатели), лесовики (углежоги), несчастный подряд (возчики). Некоторые из них встречаются в сказах. К примеру, в «Марковом камне» горщики именуют заводских рабочих жженопятиками; в сказе «Демидовские кафтаны» доведенные до отчаяния бедняки иногда выходили на большую дорогу какого-нибудь заводского барина за горло взять: «простой народ и даже торгашей не задевали, а барам да большому заводскому начальству сильно оберегаться приходилось» — за это иткульцев прозвали «барскими подорожниками»; в сказе «Широкое плечо» действуют хозяева хлебных лавок, содержатели постоянных дворов и их служащие — «лабазники», а с другой стороны, слесаря и токари — «чернотроны». Бажову было известно прозвище камнерезов, поддельывающих драгоценные камни, — «шмукари»¹⁵. Бажов уловил, что народные прозвища — это средство типизации в фольклорных произведениях и в такой функции использовал их.

Пожалуй, он первый из уральских литераторов обратил внимание на так называемые присловья, побаски. Он их услышал еще в дореволюционное время на Чусовой. «... Стал записывать. Меня влекли те из них, где слышались отзвуки бурлачества, чусовской вольницы и т. д. Записал я шесть тетрадей. Это была моя первая краеведческая работа. Но в годы гражданской войны затерялась»¹⁶. М. Батину писатель говорил, что записи вел в деревнях по Чусовой, к северу от деревни Треки в направлении на Старую Утку, и давал жанровое определение заинтересовавших его произведений:

¹⁵ Новые книги П. П. Бажова. — Урал. рабочий, 1940, 27 апр.

¹⁶ Рождественская К. В. Воспоминания о Бажове. — В кн.: Бажов П. П. Сборник статей и воспоминаний, с. 179.

афористические речения, речения-побаски. К. Рождественской он приводил один пример: «Весело живем, кабак на горе, со всех сторон видно и спускаться легко». М. Батину — два примера: «Живем весело: кабак на горе, Серги далеко видно и спускаться ловко», «где сеют, да веют, да молотят, да всяко каштелят, а у нас снял штаны, полезай в воду и тащи кулем». Последнее речение в письме к Л. Скорино он передает несколько иначе: «У них пашут да боронят, сеют да жнут, молотят да веют, а у нас снимай штаны, полезай в воду и тащи полным кулем». Его привлекала, как он говорил, «печать места», лежащая на чувовских присловьях.

В многочисленных деревнях по Чусовой население кормилось главным образом сплавом барок и плотов. Иногда барки у опасных камней-«бойцов» разбивались или где-нибудь садились на мель, их надо было разгружать — отсюда чувовские присловья, которые запомнились Бажову: «Честно живем, а от Разбойника кормимся», «Печку не топим, а тепло она дает (Разбойник и Печка — названия береговых скал по Чусовой, с. 144). О. Маркова запомнила две «побасенки» (ее термин), цитировавшиеся Бажовым как чувовские: «Для того узко горло дано, чтобы слово не скоро вышло»; «Козла бойся спереди, коня — сзади, а злого человека — со всех сторон»¹⁷.

Л. Скорино, подробно расспрашивавшая писателя о его фольклорных разысканиях во время поездок по Уралу, пишет: «...работа Бажова шла по трем линиям: во-первых, это было детальное изучение истории и горнозаводского быта Урала, во-вторых, собрание уральского фольклора в котором, по словам самого Бажова, содержится очень много ценных практических указаний на различные методы труда, на богатства, находящиеся в земных недрах, то есть изучение особенностей горнозаводского быта, отраженного в народном творчестве, и, наконец, в-третьих, накопление богатейшего лексического фонда: слов и присловий, побасок и поговорок и т. д.»¹⁸

Работая как собиратель в этих направлениях, он преследовал лишь конечную художественную цель:

¹⁷ Маркова О. Незабываемое. — В сб.: Мастер, мудрец, сказочник, с. 183.

¹⁸ Скорино Л. И. Павел Петрович Бажов, с. 53—54.

воссоздать рабочий сказ или цикл сказов о прошлом. Но прошлое горнозаводского Урала Бажов воспринимал глазами историка из народа, народного историка. Любопытную закономерность обнаружил Р. Р. Гельгардт. Он выяснил, что Бажов при написании сказов довольно тщательно изучал письменные источники и, если «из-за отсутствия вполне надежных научных сведений в исторической литературе наблюдались разногласия, т. е. тогда, когда гипотезы занимали место надежных документальных свидетельств», — тогда Бажов допускал свободное обращение с историческими источниками и толковал их с позиций фольклорноносителя: отвергал все, что было не в пользу России, Урала, не в интересах простого народа. Например, не известно точно, откуда был Ерофей Марков, открывший Березовское месторождение золота: то ли московский старообрядец, то ли крестьянин Троице-Сергиева монастыря, поэтому Бажов в сказе «Золотые дайки» категорически утверждает, что Марков — уралец и ему принадлежит честь открытия важнейшего отечественного месторождения золота: «Из Шарташа происходил. Коренной тамошний житель...». Насчет происхождения Ермака в истории Сибирского похода тоже существует несколько гипотез, поэтому Бажов доказывает устами рассказчика сказа «Ермаковы лебеди» уральское происхождение покорителя Сибири. Нет точных данных об изобретателе асбестовой пряжи, поэтому в сказе «Шелковая горка» приоритет закрепляется за крепостной девушкой, больше того, писатель приписывает ей открытие асбестового месторождения близ Невьянска. Мировую известность каслинского литья объясняют по-разному: своеобразной выразительностью скульптуры, каслинскими песками, особыми свойствами чугуна и т. п., а Бажов в «Чугунной бабушке» акцентирует роль мастерства, тщательность формовки, точность чеканки — искусство «умелых рабочих рук». «Особенно следует подчеркнуть, — пишет Р. Р. Гельгардт, — ориентацию Бажова на то осмысление истории, какое было или только могло быть в народном сознании, отраженном устным народным поэтическим творчеством»¹⁹.

¹⁹ Гельгардт Р. Р. Об исторических мотивах и сказах П. Бажова. — В кн.: *Бажов П. П.* Сборник статей и воспоминаний, с. 171.

Когда Бажов говорил о рабочем фольклоре и его хранителях, он почти не оперировал научными терминами, не делал больших экскурсов в теорию. Он или спокойно рассуждал, подыскивая незаемное слово, или с легким юмором высвечивал промахи фольклористов-собирателей, хотя иногда его юмор переходил в ироническую насмешливость и начинали звучать саркастические нотки. Всегда чувствуешь речь человека, стремящегося втянуть в работу по собиранию фольклора трудовых масс всех, начиная от юных краеведов и кончая специалистами. И всегда он проводил одну идею, многократно проверенную на собственной собирательской практике: рабочий фольклор — это художественно изложенная народом история. Она дошла до нас в форме устных рассказов-воспоминаний старых производителей, в форме рабочих преданий. Бажов собирал предания в 30—40-е годы, когда в фольклористике они не пользовались особым вниманием, тем ценнее его наблюдения и убежденность в том, что сбор произведений несказочной прозы — важное дело.

* * *

Рамки учебного пособия не позволяют приводить другой материал, характеризующий собирательскую деятельность Бажова. Думается, что главное все-таки сказано и можно сделать некоторые выводы.

Первый вывод. Бажов собирал рабочий фольклор как писатель и записывал далеко не все, что мог бы на его месте записать фольклорист, преследующий научные цели. Бажов не делал паспортизации, поскольку она ему была не нужна, но о ее значении знал и публично о ней говорил.

Второй вывод. Будучи «политработником», «журналистом первого призыва», активно защищавшим идеалы Коммунистической партии, интересы рабочего класса, Бажов ощущал неразрывное единство прошлого и настоящего трудового народа и видел иногда недостаточное, а иногда искаженное освещение истории горнозаводского Урала в письменных источниках, в исследованиях XVIII — начала XX века. Поэтому он ратовал за собирание рабочего фольклора, в частности преданий. «Сбор преданий даст не менее важный материал, чем

история горнозаводского Урала по письменным документам. Здесь своя точка зрения на каждый факт, противоположная тому, что дано в писаной истории. Автор, который записывал, был представителем правящей части, и он по-своему оценивал события, а рабочие по-своему оценивали, но не имели возможности отразить в письменном виде. И наша задача эту сторону поднять», — призывал он²⁰. Собирая рабочие предания, поднимая огромный неизученный пласт народной культуры, Бажов, сам будучи знатоком, подлинным носителем рабочего фольклора, изучал устнопоэтический материал с народной точки зрения. Он смотрел на прошлое горнозаводского Урала глазами народного историка. Это принципиальная позиция Баждова.

Третий вывод. СобираТЕЛЬская деятельность Баждова показывает, что надо записывать из рабочего фольклора. Он не возражал, чтобы фольклористы фиксировали все, что поется и рассказывается в рабочей среде, даже непристойные вещи²¹, однако сам записывал главным образом предания, рассказы-воспоминания, слухи и толки о прошлом, дошедшие в виде реплик, образных суждений (Баждов называл их «завязью сюжета»), а также афористические речения, индивидуальные, семейно-родовые и коллективные прозвища, которые часто несли в себе первичную обобщенность и образность. Своеобычность уральского фольклора в полной мере выражена в повсеместно бытующих произведениях несказочной прозы, где главная тема — это тема труда. «Вот что меня всегда удивляло: в крестьянских сказах нет ничего о труде. Они касаются крестьянского быта, а не крестьянского производства. Могли бы ведь возникнуть сказки о зерне,

²⁰ Стенограмма выступления Баждова на конференции в Н.-Татиле 18 сент. 1943 г. — В кн.: *Баждов П. П.* Сборник статей и воспоминаний, с. 202.

²¹ «Фольклористы избегают срамных песен, сказок. И напрасно. Рабочий сказ живет под этой оболочкой. И это легко отбросить», — говорил Баждов и предлагал учитывать, что «похабщина была во многих случаях средством опорочить того человека, которого не любили. Так что если отбросить эту оболочку, останется суть классово направленная». — В кн.: *Баждов П. П.* Сборник статей и воспоминаний, с. 194.

о травах, — вот родилась же у горнорабочих сказка о мастерстве...»²².

Четвертый вывод. СобираТЕЛЬСкая практика Бажова подсказывает, как фиксировать рабочий фольклор: с кем разговаривать, о чем, какие затрагивать темы и т. д. В отличие от профессиональных фольклористов своего времени Бажов направлял внимание на семью, потому что знал: в старой рабочей среде семья была хранильницей трудового, производственного опыта, социально-общественных знаний, морально-этических ценностей, бытовых навыков. В больших рабочих семьях главой был, как правило, старик, знаток семейно-родовой истории и блюститель традиций, поэтому Бажов стремился поговорить с ним и о его жизни (с обязательным освещением его производственной работы), и о его семье, династии («породе») или приглашать таких стариков для общей беседы. Таким образом, интерес Бажова-собираателя шел по линии: семья — династия — «институт заводских стариков», как бы включающий в себя всех хранителей традиции. Далее, вторая линия исходила опять-таки от личности рассказчика, повествовавшего о своей производственной работе. Выяснение трудового пути одного конкретного человека было у Бажова непременно сопряжено с выявлением особенностей производственного процесса того завода, где работал собеседник, и с обобщением относительно всей отрасли в целом. Получается: профессиональная деятельность одного человека — работа одного человека — работа одного предприятия — отрасль производства горнозаводского Урала. Наконец, третья линия, начинаясь от того же рассказчика, была направлена на поселок, где он живет (обычаи, нравы, природные условия, побочные занятия населения и т. п.), а затем через сходство и различие поселков обрисовывался регион, горный округ, и обобщение касалось уже всего горнозаводского Урала как территориальной, общественно-экономической и культурной целостности. Иными

²² Мастер, мудрец, сказочник, с. 417. Бажов также считал, что нужно записывать фантастические повествования, ибо они не лишены информативности: фантастика народных преданий — лишь поэтическая форма, каждый фантастический образ имеет реальное основание: огненные уши — сернистый газ, полоз — закат в горах, мядяка — излом руды и т. д.

словами, поселок (по-уральски завод) — регион (например, горный округ) — горнозаводский Урал.

ФОЛЬКЛОРНЫЙ ХАРАКТЕР ЦИКЛИЗАЦИИ СКАЗОВ П. П. БАЖОВА

Черновики сказов сохраняют следы писательского труда: Бажов создавал варианты отдельных сцен, подыскивал имена героям, тщательно продумывал диалоги, менял сценления эпизодов — в целом это отдельная исследовательская тема, которой мы сейчас не можем касаться, однако скажем, что в рукописях писатель постоянно помечал циклический характер своих сказов различными подзаголовками. В сохранившихся черновиках каждый второй сказ (даже больше: 29 сказов из 52) имеет один-два, иногда три варианта подзаголовка.

Некоторые сказы, не снабженные подзаголовками в черновиках, приобретают их при публикации²³, наконец, черновики пяти сказов, очевидно, не сохранились, но эти сказы опубликованы с подзаголовками²⁴. Таким образом, их имеет подавляющее большинство бажовских сказов.

Подзаголовки разнотипны, но все они **циклического**

²³ Хозяйка Медной горы. Тайный сказ. — В кн.: Урал медный. Очерки и рассказы. Сост. В. А. Попов. Свердловск, 1936; Тяжелая витушка. Уральский сказ. — Индустрия социализма, 1939, № 1; Кошачьи уши. Уральский сказ. — Там же; Травяная западенка. Из старых уральских сказов. — На смену! 1940, № 56; Иванко-Крылатко. Из уральских сказов о немцах. — Челябин. рабочий, 1942, № 74; Хрустальный лак. Сказ. — Уральский современник, 1943, № 7; Хрустальный лак. Из уральских сказов о немцах. — Вечерняя Москва, 1944, № 29; Орлиное перо. Из уральских сказов о Ленине. — Урал. рабочий, 1945, № 94.

Благодарю Н. В. Кузнецову, составителя библиографического указателя литературы по творчеству П. П. Бажова, которая любезно предоставила возможность пользоваться исправленным и дополненным вариантом указателя, а также рабочими библиографическими материалами, не вошедшими в него.

²⁴ Железковы покрывки. Из уральских сказов о мастерах. В кн.: Говорит Урал. Свердловск, 1942; Дорогое имячко. О кладях Азов-горы. — В кн.: Дореволюционный фольклор на Урале. Собрал В. П. Бирюков. Свердловск, 1936; Горный мастер. Из сказов Хмелинина. — На смену! 1939, № 7; Живой огонек. Рассказы старого уральского рабочего. — Урал. рабочий, 1950, № 288; Золотоцветень горы. Рассказ старого горщика. — Урал. рабочий, 1949, № 296.

характера, причем ими снабжены не только первые сказы, но и последующие, даже написанные в конце 40-х годов. Подзаголовки «из записанных по памяти сказов Хмелинина» имеют не только некоторые сказы, входящие в цикл о Малахитнице, но и «Демидовские кафтаны», хотя этот сказ Бажов не включил в первое издание «Малахитовой штакулки». В начале 40-х годов писатель исключает имя Хмелинина из всех черновых записей.

Второй тип — подзаголовки, указывающие на **региональный** признак: из уральских сказов, из сибирских сказов («Живинка в деле», «Широкое плечо», «Дорогой земли виток» и др.).

Третий тип — подзаголовки, указывающие на **жанровый** признак: сказ, сказка, сказ в обработке для детей («Огневушка-Поскакушка», «Голубая змейка», «Серебряное копытце» и др.).

Четвертый тип — подзаголовки, дополняющие региональный и жанровый признаки **временным** прикреплением к «старым» годам: из старых уральских сказов («Ермаковы лебеди», «Хрупкая веточка» и др.).

Пятый тип — подзаголовки, в которых вышеназванные признаки дополняются **тематическим** мотивом: из уральских сказов о немцах, из старых уральских сказов о немцах, из сказов о булатной стали, из уральских сказов о горщиках, из уральских сказов о Ленине («Тараканье мыло», «Чугунная бабушка», «Алмазная спичка», «Коренная тайность», «Веселухин ложок» и др.). К этому типу могут быть отнесены также подзаголовки, появившиеся в сказах, написанных от лица современников автора: из рассказов о гражданской войне («Ионычева тропка»).

Шестой тип — подзаголовки, обозначающие **род деятельности** рассказчика: из рассказов старого слесаря, из рассказов старого горняка, из рассказов старого забойщика, из рассказов старого рабочего («Рудяной перевал», «Далекое-близкое», «Аметистовое дело», «Солнечный камень», «Не та цапля» и др.).

Каждый подзаголовок, сообщая жанровую форму или тему, или профессионально-социальную обозначенность рассказчика и т. п., уже помещает сказ в соответствующий ряд, приводит в соотношение с подобными произведениями, делает частью какой-то общности:

тематической, жанровой, репертуарной (если иметь в виду репертуар одного рассказчика) и т. п. Подзаголовок настраивает на то, что данный сказ рисует лишь один эпизод, освещает одно событие из реально существующей данности и не следует ждать строгой завершенности, законченности, возможно событийное или тематическое, или иное какое-нибудь продолжение.

У Бажова было органичным, во многом идущим от фольклора стремление к циклизации, к «серийности». Многие его замыслы получали или должны были получить художественное воплощение в виде цикла. Сам писатель ощущал невозможность реализации той или иной заинтересовавшей его темы в форме отдельного сказа. Один сказ тянул за собой другие и если они не появлялись, то по чисто субъективным причинам. В письме к Л. Скорино Бажов сообщал: «Золотые дайки» предполагался началом специального цикла, но, думаю, едва ли выйдет: не сумел найти времени, чтобы посидеть в Березовске месяц-два»²⁵. О предполагавшемся продолжении этого сказа свидетельствует обещание рассказчика в финале: «Хоть бы брусницинское золото взять. Не слышали про такое? Ну, ладно, в другой раз расскажу» (т. 1, с. 253). Замысел остался несуществленным. Другой пример: сказ «Кошачьи уши» в первоначальном варианте заканчивался твердым обещанием рассказчика дать продолжение: «И кошачьи уши люди не раз видали. Про них еще сказы есть. В другой раз расскажу». Правда, другого раза не случилось, но показательна готовность Бажова продолжить повествование.

В декабре 1938 года писатель делился с К. Рождественской своими планами: «Синюшкиным колодецем» начинаю цикл сказов про первого добытчика. У меня уже копошится в голове много тем, но только тем, пока еще неясно, в синюшкином тумане. Цикл таких сказов даст мне возможность выйти из Полевой и действие перенести в другие местности»²⁶. Это одно из самых ранних суждений Бажова о цикле как моноте-

²⁵ Бажов П. П. Сочинения в трех томах. М., 1976, т. 1, с. 347. Далее цитируется это издание с указанием в тексте тома и страницы.

²⁶ Бажов П. П. Сборник статей и воспоминаний, с. 184.

матической жанровой цельности. Посмотрим, как осуществляется связь между сказами.

«Каменный цветок» завершается неопределенно: Данила пропал, «найти его не могли». Бажов передает поселковые слухи: «Кто говорил, что он ума решился, в лесу загинул, а кто опять сказывал — Хозяйка его взяла в горные мастера. На деле по-другому вышло. Про то дальше сказ будет». Действие следующего сказа, «Горный мастер», происходит года через «два либо три, как Данила потерялся», т. е. непосредственно продолжается история взаимоотношений Катерины и Данилы, которая заканчивается семейным союзом влюбленных. Начало «Хрупкой веточки» указывает на прямую связь с «Горным мастером»: «У Данилы с Катей, — это которая своего жениха у Хозяйки горы вызволила, — ребятишек многонько народилось». Финал не обещает продолжения, хотя судьба Мити неизвестна. Зато в четвертом сказе «Теплая грань» писатель начинает с этого: «Про то уж сказывалось, что у Данилы с Катей одному парню, Митюхой которого звали, — не посчастливилось в житье...». Далее сообщается, что он живет в Березовском заводе, его жена с детьми иногда гостит в Полевой, и лишь после этого речь идет о Насте Конопатке, ее трагическом интересе к осколкам той чаши, которую еще в юности разбил отец.

Позже Бажов переработал финал «Горного мастера», убрал мотив сохраняемых Катериной обломков чаши, поскольку этот мотив никак не соотносился с работой горбатого Мити, а в первом издании «Горный мастер» кончался отчетливым переходом к истории Насти: «Ну, потом, конечно, случай вышел. Все из-за обломков тех, от дурман-чаши, которые Катя сберегала. Только это уж другой сказ». «Теплая грань» и «Хозяйкино зарукавье» — и есть тот самый «другой сказ», в котором разрабатываются мотивы чудесной чаши и каменной змейки.

Сказы «Каменный цветок», «Горный мастер», «Хрупкая веточка», «Теплая грань», «Хозяйкино зарукавье» дают историю семьи Данилы и Катерины. По такому же принципу соотнесены сказы «Про великого Полоза» и «Змеиный след», а также «Медной горы Хозяйка» и «Малахитовая шкатулка».

Сказ «Про великого Полоза» был написан в числе первых — в 1936 году, но уже и тогда Бажов предполагал дать сказ-продолжение, на что указывает концовка: «Совсем хорошо у них дело сперва направилося. Ну, потом свихнулось, конечно. Только это уж другой сказ будет». В 1938 году Бажов создает сказ «Зменный след», который начинается с напоминания: «Те ребята, Левонтьевы-то, коим Полоз богатства показал, стали поправляться житьишком...». Л. Скорино справедливо пишет, что Бажов этими двумя сказами «подчеркивает характер семейного предания, присущий горняцкому сказу» (т. 1, с. 347).

То же самое и в сказах «Медной горы Хозяйка» и «Малахитовая шкатулка». Второй сказ дан как прямое продолжение первого: «У Настасьи, Степановой-то вдовы, шкатулка малахитовая осталась... Сама Хозяйка Медной горы одарила Степана этой шкатулкой, как он еще жениться собирался» (т. 1, с. 60).

Нужно сказать, что семейно-родовые предания уральских рабочих — это устная летопись семьи, рода, трудовой династии и вместе с тем — отражение «большой истории»: завода, поселка, города, истории освоения края и т. п. Они были двух типов: первый — предания узкосемейного плана; их основой является рассказ о частном событии из жизни семьи, не повлиявшем на других людей, не имевшем большого общественного резонанса и значения. Второй тип — это предания, содержащие обширные сведения по заселению местности, трудовой деятельности, открытию и разработке крупного месторождения, народных бунтах и т. п., но одновременно сохраняющие хотя бы в основных чертах рабочую родословную. Опираясь на предания обоих типов, Бажов пишет сказы «Тяжелая витушка», «Шелковая горка», «Надпись на камне», «Золотые дайки», «Малахитовая шкатулка» и другие. В них просматривается структура и логика фольклорных генеалогических преданий: сказ дает характеристику или основателю рода, или какому-нибудь заметному члену династии, называются другие члены семьи, указывается, кто чем выделялся, инкорпорируются рассказы, любимые присловья, заветы стариков, дается народная этимология фамилий, топонимов и т. п.

Очевидно, можно условно назвать циклы сказов, в

основе которых лежит фольклорное семейно-родовое предание, семейными циклами. Представляя художественную цельность, семейный цикл в то же время не обособлен от многих других сказов — напротив, он с ними часто соприкасается, имея общие сюжетные мотивы, одинаковые хронотопные характеристики, иногда даже общих второстепенных персонажей и т. п., что позволяет ему органично вступать в иное идейно-тематическое единство: новый цикл, тематический раздел в книге, отдельный сборник. Покажем это на конкретном материале.

В «Змеином следе» действует Ванька Сочень, причем про него сказано: «Хозяйка Медной горы его сама **потом** так наградила, что он ноги протянул», т. е. получается, что действие сказа «Сочневы камешки», где Сочень погибает, происходило после событий «Змеиного следа», хотя «Сочневы камешки» были опубликованы в 1937 году, а «Змеиный след» написан только в 1938 году. Но налицо связь семейного цикла с этим сказом, а через того же Сочня — и с семейным циклом о рудобое Степане.

В сказе «Медной горы Хозяйка» Степан «в осенях ушел» к Красногорскому руднику — «и с концом»: его нашли мертвым с медными изумрудами в руке. Действие сказа «Сочневы камешки» (в черновике есть вариант названия этого сказа, прямо перекликающийся с «Медной горы Хозяйкой» — «Сочневы изумруды») началось той же осенью: «много народу на Красногорку потянулось. Охота было тех камешков доступить, которые в мертвой Степановой руке видели». Связь по времени, месту действия, по мотивам смерти Степана и «камешкам» подкрепляется позже, когда Сочень в третий раз пришел на Красногорку и встретился с Хозяйкой: «Камешков поискать пришел... В Степановой руке люди видели...». Она принахмурилась: «Ты это имя не трожь!». Кроме того, в обоих сказах действует один и тот же приказчик — Душной козел. И вообще, если вспомнить взаимоотношения Степана и Душного козла, Сочня и Костьки с Пантелеем и с другими персонажами, то можно сказать, что Степан, Настасья, Ванька Сочень, его непутевая супруга, Костька, Пантелей, старичок Семеныч и другие действующие лица сказов «Медной горы Хозяйка», «Малахитовая шкатулка»,

«Про Великого Полоза», «Змеиный след», «Сочневы камешки — все они жили в Полевой в одно время и знали друг друга.

Жизненное благополучие рабочих во многом зависело от барина, приказчиков, уставщиков, рудничных смотрителей, надзирателей, штейгеров, обмерщиков, конторских «приказных», стражников или «обережных»... Как в жизни, так и в сказах они остаются антагонистами рабочих. Заметное место в производственном процессе и вообще в жизни заводского поселка занимал приказчик, поэтому он часто в сюжете того или иного сказа выступает на первом плане, и рассказчик использует именно его в качестве временной вехи.

Как у любого исполнителя фольклорных произведений, у бажовского рассказчика в 30-е и начале 40-х годов хронология выстраивается не по датам, а по лицам, и, в частности, для этого используется фигура приказчика. Правда, рассказчик может применять — и это опять-таки характерно для фольклора — неопределенное временное прикрепление типа «в старые времена», «с давних годов», может обозначать время повествования через церковный праздник («в пасху» или: «Жабрей объявился по троицкой воде»), может быть также привлечено имя заводовладельца или упомянуто какое-то событие, имевшее общественный резонанс, как например, в сказе «Веселухин ложок», где действие сначала протекает при основателях завода братьях Мосоловых, затем при заводовладельце Лугинине и, наконец, — «когда завод на казну перешел». Но в сказах, касающихся событий Сысертского округа, именно приказчик, кроме своей сюжетной роли антагониста, выполняет функцию временной вехи, временного знака.

В «Малахитовой шкатулке» рассказчик дает любопытное перечисление приказчиков: «Душного козла, который при Степане был, старый барин на Крылатовско за вонь отставил. Потом был Жареный зад. Рабочие его на болванку посадили. Тут заступил Северьян Убойца. Этого опять Хозяйка Медной горы в пустую породу перекинула. Там еще двое ли, трое каких-то было, а потом и приехал этот... Его Паротей прозвали. ...Потом ...Полторы хари вместо него заступил» (т. 1, с. 70—71). Здесь сразу перекинуты «мостики» и к уже написанным к тому времени произведениям, и к еще не созданным

сказам. Например, приказчик Жареный зад фигурирует в сказе «Две ящерки» (1938). Написанный в 1936 году сказ «Приказчиковы подошвы» по сути дела продолжает «Две ящерки»: в начале речь идет о приказчике, которого рабочие «на калену болванку посадили да так, что он в одночасье помер... По этому случаю владельцам заводским и понадобилось рыкало-зыкало, чтоб парод испужать».

Перечисляя приказчиков, бажовский рассказчик дает читателю возможность выстроить многие сказы 30 — начала 40-х годов, описывающие жизнь заводов Сысертского горного округа, в некоторой очередности. В самом деле: при Душном козле разворачивались события сказов «Медной горы Хозяйка», «Змеинный след», «Сочневые камешки», при Жареном заде — «Две ящерки», при Северьяне Убойце — «Приказчиковы подошвы», при Пароте — «Малахитовая шкатулка», при Ваньке Швареве — «Кошачьи уши», при Пানে — «Травяная западенка»...

В некоторых сказках приказчик безымянный, например в «Хрупкой веточке», «Таяткином зеркальце», «Каменном цветке». И в общем-то можно утверждать, что и через этот персонаж сказы связаны, во временной последовательности определенным образом выстроены, хотя в предложенных хронологических параметрах нет абсолютной точности. Напомним, что в финале «Малахитовой шкатулки» у Малахитницы появляется двойник: она «двоиться стала — сразу двух девиц в малахитовых платьях люди видали». Сказ «Две ящерки» непосредственно продолжает эту сюжетную линию. Действие происходит тоже в Полевой. И Андрюха встречается с двумя ящерницами: «одна побольше, другая поменьше», обе зеленые и т. п. Иными словами, события «Двух ящерок» должны происходить только **после** событий «Малахитовой шкатулки», а у бажовского рассказчика получается наоборот! Он ведь говорил, что сначала приказчиком был Жареный зад («Две ящерки»), на смену ему пришел Северьян Убойца, затем были еще «двое ли, трое» и, наконец, Паротя, при котором разворачивались события «Малахитовой шкатулки». Дед Слышко не точен, что позволительно фольклорному рассказчику. Но это единственный случай, когда дед Слышко «запутался».

Иногда сказы имеют общих второстепенных персонажей. В той же «Медной горы Хозяйке», когда речь идет о необычных камешках в руке мертвого Степана, появляется некий «знающий». Бажов даже не именует его, однако этот «знающий» не только сказал, что у Степана редкостный и очень ценный медный изумруд, но в следующем сказе определил всю линию поведения Настасьи.

Безымянный хозяин лавки, которому принесла Катерина свои малахитовые бляшки, оказался тот же, которому сдавали свои поделки Прокопъич и Данила, и таким образом еще одна нить связала сказы «Каменный цветок» и «Горный мастер».

У Баждова очень любопытна эта категория персонажей: вроде они незаметны, упомянуты мимоходом, порой даже не имеют имени, а их роль в развитии сюжета очень существенна. Кроме названных, отметим еще «чернявого парня» в «Травяной западенке», Полукарпыча в «Таяткином зеркальце», бабу Вихориху в «Каменном цветке», из этого же сказа — «дедушку», «ветхого старичоночка»: безымянный старичок лишь однажды появился и как бы мимоходом на пьяной вечеринке рассказал про змейку-зарукавье, каменный цветок, горных мастеров, а по сути дела — «завязал» сюжетную линию четырех последующих сказов.

Как в народных преданиях, легендах, бывальщинах, так и в сказах, созданных на основе фольклорных произведений несказочной прозы, заложена мощная тяга к циклизации, и эта жанровая сила стяжения в тематические и прочие единства иногда проявляется даже в сказах, записанных от разных рассказчиков. Так, в сказах «Травяная западенка» и «Железковы покрывки», написанных в разное время — в 1939 и 1942 году, общий персонаж Евлаха Железко. В первом сказе говорится, что он из той же семьи, что и Устя-Соловьшина: «не то внучком, не то правнучком приходится»; он знал тайну травяной западенки и ее пытались выведать у него. Во втором сказе Железко — центральный персонаж, и в целом связь между сказами очевидна. Но рассказчики разные. В «Травяной западенке» повествование ведет дед Слышко, а в «Железковых покрывках» рассказчик — современник писателя (например, его фраза «не просто именины али родины, а сказать по-теперешнему, вроде

как юбилей). Он знает, как в революцию 1905 года рабочие выступали с «красными флагами», он помнит «тайные листы» с картинками, изображавшими царя и царицу «с кровавыми руками», он помнит гражданскую войну (т. I, с. 134). Персонажная связь сказов не подкрепляется связью на уровне рассказчиков.

Таким образом, у Бажова встречаются самые разные виды межсказовых, циклических связей. Сказы могут быть связаны по логике семейно-родового предания, могут быть объединены одной темой, иметь общих главных (реальных, а также фантастических) или второстепенных персонажей, могут быть связаны по времени, месту действия или входить в репертуар одного рассказчика. Можно сказать точнее: сказы могут быть связаны на жанрово-тематическом, сюжетно-событийном, персонажном, репертуарном уровнях.

Отсутствие связи на одном уровне компенсируется связями на других уровнях. К примеру, семейный цикл о Степане сюжетно не связан с семейным циклом о Даниле, зато оба цикла связаны через персонажный уровень: в обоих циклах действует Малахитница. К тому же цикл о Даниле через «Сочневы камешки» связан с циклом о Левонтии, сюда же подключаются «Две ящерки», «Приказчиковы подошвы» — через сюжетно-событийный уровень. Кроме того, все эти сказы принадлежат одному рассказчику. Короче говоря, сила циклического стяжения у каждого сказа весьма значительна. Она, как правило, носит разнонаправленный характер, что позволяло писателю довольно четко выстраивать композицию своих сборников, которые иногда (в прижизненных изданиях) обретали форму циклов. В принципе можно говорить о бажовских сборниках-циклах.

* * *

При жизни писателя сказы издавались часто. Безынтересны для нашей работы сборники, адресованные детям и состоящие из двух-трех сказов: по сути дела, они не имеют никакой композиции, а также сборники, к составлению которых писатель скорее всего не имел отношения — настолько случайна их организация. К примеру, в московском издании 1947 года сказы не соотносены ни по идейно-тематическому звучанию, ни по рассказчикам, ни по времени написания — вообще никак. Можно только догадываться, почему на первое место

вышесены не самые удачные по художественному решению сказы «Богатырева рукавица», «Орлиное перо»... Сомнительно, что писатель участвовал в формировании такого сборника, что он назвал свои сказы рассказами²⁷.

Бажов очень ответственно относился к составлению сборников. В 30-е годы писатель некоторое время считал свои сказы фольклорными, «восстановленными по памяти», поэтому он следовал «принятым в фольклористике приемам публикации произведений народнопоэтического творчества»²⁸. И при подготовке первого издания «Малахитовой шкатулки» перед Бажовым «все еще продолжал стоять образец в виде сборников фольклорных публикаций»²⁹. Не случайно «Малахитовая шкатулка» 1939 года напоминает по структуре, оформлению фольклорный сборник, где материал расположен по исполнителям. Р. Гельгардт, который впервые это заметил, пишет, что Бажов во многом следует Д. К. Зеленину, создавшему «Великорусские сказки Пермской губернии». Позже это повторил М. Батин: «Ближайшим образцом мог быть сборник Д. К. Зеленина... Избрание этого принципа публикации — «по сказителям» — было уже одним из элементов осуществления бажовского замысла. Сказы «Малахитовой шкатулки» объединены одним рассказчиком — В. А. Хмелининым, точнее, дедом Слышко; сборнику предпослана статья «У караулки на Думной горе», в которой содержатся необходимые сведения о рассказчике; книга завершается сказом «Тяжелая витушка», где повествователь говорит о себе, становится главным действующим лицом. Так сборник получил «рамку»³⁰. Можно лишь добавить, что в «рамку» сборника входят, кроме «Тяжелой витушки», статья «О речевых особенностях округа и сказителя» и «Объяснения отдельных слов, понятий и выражений, встречающихся в сказах», написанные самим Бажовым. Писатель создал как бы фольклорный сборник одного носителя фольклора с необходимыми для подобного издания комментариями и узкорегиональным словарем.

²⁷ Бажов П. П. Малахитовая шкатулка. Рассказы. М., 1947.

²⁸ Гельгардт Р. Р. Стиль сказов Бажова. Очерки. Пермь, 1958, с. 38.

²⁹ Там же, с. 41.

³⁰ Батин М. Павел Бажов. М., 1976, с. 71.

Уже первый рецензент сборника увидел в нём цикл: «Это полный цикл хмелининских сказов, объединенных не только единством стиля рассказчика, единством темы (жизнь горняков), местом действия (Полевая, Медная гора), но и постоянным присутствием основного персонажа — Хозяйки Медной горы, чудесного образа, до сих пор не тронутого никем из писателей»³¹. Здесь многое подмечено верно, однако ведь не все сказы сборника связаны с Полевой, Медной горой, только в семи из четырнадцати сказов фигурирует Хозяйка...

Рассмотрим последовательность сказов в сборнике: 1. Дорогое имячко (1936); 2. Про Великого полоза (1936); 3. Зменный след (1938); 4. Золотой волос (1938); 5. Медной горы Хозяйка (1936); 6. Малахитовая шкатулка (1937); 7. Две ящерки (1938); 8. Приказчиковы подошвы» (1936); 9. Сочневы камешки (1937); 10. Каменный цветок (1937); 11. Горный мастер (1938); 12. Кошачьи уши (1938); 13. Марков камень (1937); 14. Тяжелая витушка (1938)³².

Отчетливо видно, что при подготовке сборника Бажов совсем не учитывал времени написания сказов. Более существенным ему представлялось художественное время. И если первый сказ, «Дорогое имячко», описывает события очень давних времен, когда «старые люди жили», то действие всех последующих сказов, кроме «Золотого волоса», происходит в обозримом историческом прошлом, а замыкающий сказ, «Тяжелая витушка» повествует о реальном случае из жизни рассказчика в 60-е годы прошлого века, т. е. просматривается определенная хронологическая последовательность сказов в отношении времени произведений. Кроме того, расположение сказов продиктовано, если можно так выразиться, возрастом главных фантастических персонажей. Сам Бажов говорил, что наиболее древний образ — это Девка Азовка, затем Полоз и, наконец, Малахитница. Последовательность сказов соответствует этой возрастной градации фантастических образов, а последние два сказа, «Марков камень» и «Тяжелая ви-

³¹ *Рождественская К.* Собирает народных дум. — Урал. рабочий, 1939, № 22.

³² Год написания сказов дается по изданию: *Бажов П.* Малахитовая шкатулка. Уральские сказы. Свердловск, 1949.

тушка», вообще лишены фантастики. И еще один момент: сказы, образующие семейные циклы, следуют друг за другом. Эта последовательность сохраняется и в том случае, если осевыми центрами считать фантастических существ. Полоз как главный образ фигурирует в сказах «Про Великого полоза», «Зменный след», «Золотой волос», а Малахитница — во многих других: «Медной горы Хозяйка», «Малахитовая шкатулка», «Две ящерицы», «Приказчиковы подошвы», «Сочневы камешки», «Каменный цветок», «Горный мастер».

Последовательность расположения сказов, характер их соседства не случайны — перестановки привели бы к изменению смысла. Сказы соотнесены друг с другом, обладают композиционной закреплённостью, и в целом перед нами сборник-цикл, который как бы представляет стройно организованную часть репертуара одного носителя рабочего фольклора, одного рассказчика — В. А. Хмелинина. Именно к этому стремился Бажов, готовя издание «записанных по памяти» народных сказов.

В начале 40-х годов стало ясно, и в первую очередь самому Бажову, что его сказы не фольклорные, а авторские произведения, основанные на фольклоре. Поэтому меняется характер публикации сказов.

Показательно уже первое московское издание «Малахитовой шкатулки»: в него из сборника 1939 года перенесен очерк «У караулки на Думной горе», хотя к тому времени уже был написан и опубликован его развернутый вариант — «У старого рудника»; в конце сборника приводятся те же «Объяснения отдельных слов...». У читателя создается впечатление, что все сказы взяты из репертуара старого рабочего В. А. Хмелинина — на это нацеливали не только вступительный очерк о деде Слышко и в целом кольцевая композиция, но и шедший вслед за «Дорогим имячком» цикл сказов о Хозяйке, составляющий ядро книги и связанный лишь с Сысертским горным округом. В то же время здесь увеличилось с четырнадцати до восемнадцати количество сказов и появились произведения, не касающиеся Сысерти и Полевой; в сборнике не просматривается хронологической последовательности произведений в отношении их времени, «возрастной иерархии» фантастических персонажей. Здесь переставлены семейные циклы,

а цикл о Степане и Настасье разрушен: между «Хозяйкой Медной горы» и «Малахитовой шкатулкой» поставлены сказы «Приказчиковы подошвы» и «Сочневы камешки», видимо, как более значимые в социальном плане. «Малахитовая шкатулка» 1942 года в отличие от первого издания оказалась не столь крепко сбитой, возникла определенная раскованность сборника-цикла, что позволяло вводить новые сказы. В целом сборник все-таки объединял сказы в идейно-жанровом плане, кроме того, в дальнейшем Бажов сохранял кольцевую композицию: обязательно — начальный очерк «У старого рудника» и в финале — сказ про В. А. Хмелинина «Тяжелая витушка» с «Объяснением отдельных слов, понятий...». Менялось только количество публикуемых сказов: 29, 35, 42, 43³³. В двух случаях Бажов, сохраняя композиционную рамку, расположил сказы по времени их написания и по темам³⁴.

Тематическую классификацию Бажов предпринял впервые и очень удачно провел. Он выделил пять разделов: 1. Про старых людей да про Ермака (2 сказа). 2. Про Хозяйку горы да рудокопов (8 сказов). 3. Про дорогие каменья да золото (9 сказов). 4. Про живинку в деле да мастерство (7 сказов). 5. Про старое, бывалое да про витушку (3 сказа). В сборник вошли сказы о старом, дореволюционном Урале, что подчеркнуто подзаголовком «Сказы старого Урала» (лишь один «Солнечный камень» выпадает из этого ряда, но, очевидно, писатель дорожил ленинской темой). Названия рубрик стилистически однородны и придают необходимое единообразие композиционному оформлению.

Под рубрикой «Про Хозяйку горы да рудокопов» помещены сказы, связанные на жанрово-тематическом, сюжетно-событийном, персонажном, репертуарном уровнях. В остальных рубриках сказы хотя и соотнесены по жанрово-тематическому принципу, известная смысловая слитность все-таки достигается. Не случайно сказы «Живинка в деле», «Каменный цветок», «Горный мас-

³³ См., например: *Бажов П. Малахитовая шкатулка*. М., 1944; *Бажов П. Малахитовая шкатулка*. М., 1948; *Бажов П. Малахитовая шкатулка. Уральские сказы*. Л., 1950.

³⁴ См.: *Бажов П. Малахитовая шкатулка. Сказы старого Урала*. Свердловск, 1944; *Бажов П. Малахитовая шкатулка. Уральские сказы*. Свердловск, 1949.

тер», «Хрупкая веточка», «Железковы покрышки», «Иванко-Крылатко, «Чугунная бабушка», объединенные рубрикой «Про живинку в деле да мастерство», печатались отдельным сборником.

Сборник «Русские мастера» был задуман Бажовым еще в довоенное время, когда он начал разрабатывать основополагающую для его творчества тему мастерства русских рабочих. В 1940 году об этом сообщалось дважды: «Писатель подбирает материал к книге «Мастера» — сказы о камнерезах, гранильщиках, частично литейщиках и обработчиках стали»³⁵; «...Бажовым задумана и частично уже написана книга о старых уральских камнерезах, крепостных художниках. В книгу войдут сказы «Горный мастер», «Каменный цветок» и другие. Писатель особо хочет рассказать о так называемых шукуарях, талантливых камнерезах»³⁶.

Как уже было отмечено, частично этот замысел был реализован в «Малахитовой шкатулке» 1944 года, где сказы о мастерстве выделены в самостоятельный раздел, а полностью — в сборнике «Живинка в деле»³⁷, который оказался новой формой объединения сказов. Перед нами сборник с концептуальным объединяющим названием. Цементирующее начало, привнесенное всеохватностью и яркой образностью «живинки в деле», очень выразительно и прослеживается в каждом из сказов. При переиздании было заменено название, но сохранена последовательность сказов³⁸.

В довоенных творческих планах Бажова был и замысел детского сборника «Горные сказки»³⁹. «Ему хотелось дать школьникам специальный сборник «Горные сказки», включив в него из старого, что подойдет, и новое», хотя иногда ему казалось, что в этот детский сборник должны войти только новые сказы⁴⁰. Сборник из

³⁵ Творческие планы свердловских писателей и поэтов на 1940 год. — Тагил. рабочий, 1940, № 1.

³⁶ Новые книги П. П. Бажова. — Урал. рабочий, 1940, № 97.

³⁷ Бажов П. Живинка в деле. Уральские сказы о мастерстве. Пермь, 1944.

³⁸ Бажов П. Русские мастера. М.-Л., 1946.

³⁹ Новые книги. — На смену! 1939, № 7; М. Б. Славный юбилей писателя. — Колхозный путь, 1939, № 15.

⁴⁰ Рождественская К. В. Воспоминания о Бажове, с. 186, 188.

десяти сказов Бажов предполагал закончить к марту 1940 года, однако он появился лишь в 1942 году⁴¹.

Первым в нем поставлен сказ «Ключ-камень», давший название всему сборнику. Другие сказы расположены в неожиданно свободной последовательности — неожиданно по сравнению с четко организованной композицией «Малахитовой шкатулки» 1939 года. Здесь же Бажов отходит от «образца фольклорного сборника». «Горные сказки» — книга одножанровых или близких по жанру произведений.

Такой тип издания — сборник одножанровых произведений, иногда названный по первому сказу, вполне устраивал писателя и в дальнейшем он его неоднократно использовал. В одном ряду со сборником «Ключ-камень» стоят: «Уральские сказки» (Челябинск, 1943); «Иванко-крылатко» (Свердловск, 1945); «Уральские сказы» (М.-Л., 1945); «Ермаковы лебеди». Уральские сказы (М., 1946); «Богатырева рукавица». Уральские сказы (М., 1946); «Ключ земли». Уральские сказы (М., 1947); «Каменный цветок» (Челябинск, 1948).

В тяжелые годы Великой Отечественной войны у Бажова «было внутреннее задание дать какой-то цикл сказов, связанных с общей установкой в стране, с тем, что переживал народ» (с. 122). И он пишет сказы о профессиональном и нравственном превосходстве русских мастеров над немецкими, составляет тематический сборник «Сказы о немцах»⁴².

Сборник выдержал несколько изданий⁴³. Московские издания идентичны свердловскому, а челябинское существенно отличается в худшую сторону: снята вступительная статья Бажова, изменен предложенный писателем порядок сказов, добавлена «Чугунная бабушка».

В статье, предваряющей сказы, Бажов давал краткий обзор темы сборника в русской литературе, в частности у Мамина-Сибиряка, и в уральском фольклоре.

⁴¹ Бажов П. Ключ-камень. Горные сказки. Свердловск, 1942. В сборник входят следующие сказы: Ключ-камень, Жабреев ходок, Синюшкин колодец, Золотой волос, Травяная западенка, Солнечный камень, Огневушка-Поскакушка, Ермаковы лебеди, Серебряное копытце, Таяткино зеркальце.

⁴² Бажов П. Сказы о немцах. Свердловск, 1943.

⁴³ Бажов П. Сказы о немцах. М., 1944, 1945; Бажов П. Уральские сказы о немцах. Челябинск, 1944.

Тем самым «прочерчивалась» временная перспектива, обосновывалась неслучайность, даже традиционность темы сборника. Один из первых рецензентов сборника писал: «Тема немецкого паразитизма — не единственная и даже не главная тема «Сказов о немцах». Эта тема лишь соединяет «Сказы» с большой историко-литературной традицией, с Маминим-Сибиряком и Щедриным, как и другими русскими писателями, касавшимися темы немцев в России (Некрасов, Л. Толстой, Лесков). В «Сказах о немцах» Бажова есть новая тема, которая органичнее всего связывает историческое прошлое с героическим сегодня нашей жизни — с Отечественной войной советской Родины против немецко-фашистских захватчиков. «Сказы о немцах» проникнуты народной идеей о том, что русский народ и его культура, его творчество не только не уступят немецким, но и во многом превосходят их»¹⁴.

Вступительная статья ценна также тем, что Бажов впервые в нашей фольклористике выделил большую тематическую группу уральских народных преданий об иностранных мастерах и дал ей характеристику. В народных преданиях, писал Бажов, «прежде всего обращает внимание резкая грань, которая проводится между иностранцами, работавшими или жившими на Урале. Отмечая деловитость, внешнюю простоту и большое знание производства у англичан, веселый и порой легкомысленный нрав французов, запальчивость, горячность и внешнюю забавность наряда итальянцев, в этих преданиях по отношению ко всем немцам отчетливо проводится одна оценка: «густохлебы», «брюхоглядые», которые жирно кормились, но ничего не давали... Предлагаемая книжка и пытается обратить внимание историков и фольклористов на этот участок»¹⁵. Таким образом, писатель адресовал сборник не только обычным читателям, но и специалистам. Для нашей темы важно, что Бажов указывал на фольклор как непосредственный источник своих сказов и сохранял в них ту оценку немецких «специалистов», какую они получали в уральской народной несказочной прозе.

¹⁴ *Ладейщиков А.* Сказы о немцах. — Урал. рабочий, 1943. № 243.

¹⁵ *Бажов П.* Сказы о немцах. М., 1945, с. 4.

Вступительная статья объединяла семь сказов: «Провально место», «Заграничная барыня», «Про главного вора», «Иванко-Крылатко», «Тараканье мыло», «Хрустальный лак», «Веселухин ложок», причем первые два — варианты, созданные для этого сборника на основе ранее написанных сказов «Две ящерики» и «Тяюткино зеркальце».

«Провально место» — очень сжатый вариант «Двух ящеринок»; когда Андриюху Соленого взяли в подручные, сообщается: «Как потом у этого парня житье вышло, особый сказ есть, «Две ящерики» прозывается. Ну, не в этом дело. А с провальными немцами так кончилось...». И дальше говорится, как «загрели Гумешки», из которых немцы хотели «провально место сделать», т. е. ради единства сборника писатель как бы разделил сказ, а точнее сказать, создал приемлемый для данного сборника вариант сказа «Две ящерики» и дал этому варианту собственное название.

Сказ «Заграничная барыня» — также вариант «Тяюткиного зеркальца». В нем речь идет о заграничной барыне, о ее бахвальстве, суровом наказании, а главное — как Ганя Заря очищал забой, как его дочке открылось зеркальце — изложено буквально на половине страницы. Дочка Гани даже не названа по имени, очевидно, чтобы затушевать ее сюжетную роль. В сказе «Заграничная барыня» есть отсутствующая в сказе «Тяюткино зеркальце» характеристика русских «начальников»: «С той поры и повелось, что в начальстве у нас больше свои заводские держались. Всяковатые, понятно, бывали. Который, может, в десять раз чужестранного хуже, да только народу он известный — не то что с исленок, а по дедам и прадедам. Иному и прозвание по родам давалось, скажем, Бабушкин грех, Темеревско отродье, Косонога порода и проче». Сказы «Провально место» и «Заграничная барыня» в дальнейшем Бажовым нигде не публиковались, поскольку лишь в составе сборника они обладали достаточной силой воздействия.

Бажову было важно собрать воедино актуально звучащие сказы, которые в своей оценке «старых» немцев не отличались бы от фольклорной и рисовали бы, как пишет М. Батин, «черты немецкого мещанина: непоколебимое тупое самодовольство, шовинизм, чванство мнимым национальным превосходством, завистливость

к национальному достоянию других народов и стремление воспользоваться им, не затрудняясь выбором средств...»⁴⁶. Писатель достиг цели. Своими сказами он способствовал «укреплению в наших людях чувства национальной гордости, таких качеств, которые необходимы для победы, укрепляли веру в победу. «Гвардейцы, затаив дыхание, прослушали книжку и, обсудив прослушанное, шлют Вам свое большое фронтовое гвардейское спасибо», — писали Бажову гвардейцы-танкисты, имея в виду «Сказы о немцах»⁴⁷.

Бажовский цикл, сборник-цикл в своем единстве рассчитан на эпический эффект. Писатель достигает его, умело komponуя сказы, творчески используя разнонаправленную жанровую тягу к цикличности.

Каждый сказ Бажова — как бы фрагмент исторической действительности, глубокой, теряющейся в «старых временах» или бывшей всего пять-десять лет назад. «Сказ послушен ходу времен, — справедливо пишет С. Антонов. — История, как и жизнь, не имеет конца, и сказ, как правило, конца не имеет, что также резко отличает его от сказки... В конце, в сущности, должна бы стоять ремарка «продолжение следует». И нас не раздражают и не удивляют окончания типа: «... Про то дальше сказ будет». Сказитель спокойно останавливается ...у нового поворота событий»⁴⁸. Мы уже приводили примеры, как писатель мог изменять «поворот событий» в некоторых тематических циклах — внести иные реални, сюжетные «зацепки» для следующего сказа. Когда же дело касалось сборников-циклов, Бажов спокойно шел на нужные изменения, дополнения, тем более что они допускались жанровой природой сказа. Случай с «Провальным местом» и «Заграничной барыней» в этом плане показателен, а еще более показательна работа писателя над сборником-циклом «Малахитовая шкатулка» (1949).

⁴⁶ Батин М. Павел Бажов, с. 158.

⁴⁷ Батин М. Павел Бажов, с. 163. Между прочим, народное мнение лежало в основе первоначально задуманного названия сборника — «Уральские мастера о немцах». См.: Над чем работают писатели Свердловска. — Литературный Урал. Однодневная газета Свердловского отделения Союза советских писателей, 1943, 22 февр.; Литературный Урал. — Литература и искусство, 1943, № 11.

⁴⁸ Антонов С. П. От первого лица. М., 1973, с. 248.

Редактор сборника К. В. Рождественская вспоминает: когда пришла верстка книги, стало видно, что некоторые сказы «коротковаты», поэтому невыигрышно смотрятся. «А вот если бы некоторые из них увеличить на страницу, а другие всего строк на пятнадцать-двадцать, то все было бы в порядке», — сказал Бажову заведующий производственным отделом А. С. Асс. — «Ну так что, — очень просто, без всякой досады ответил Павел Петрович, — я подумаю...». И через несколько дней Бажов принес вставки к семи сказам»⁴⁹.

Подводя итог, скажем следующее:

1. Тяга к цикличности, будучи родовым качеством фольклорной несказочной прозы, оказалась естественно привнесенной в сказовое творчество и стала сущностной для всех жанровых разновидностей сказов Бажова. Писатель ощущал ее природу и нисколько не стремился преодолеть. Напротив, он творчески использовал это жанровое свойство, о чем говорят не только публикации, но и черновики, где многие сказы снабжены подзаголовками, указывающими на жанровую, временную, тематическую, региональную определенность сказа или обозначающими профессионально-социальную принадлежность рассказчика. Бажов «перевоплощается» то в деда Слышко, острослова, обладающего обширными знаниями устной истории Сысертского горного округа, то в участника гражданской войны, то в старого рабочего советского времени, поучающего молодежь... Личность рассказчика оказывается одним из механизмов внутренней цикличности.

2. Почти все крупные замыслы 30-х годов формировались и воплощались в циклы. В это время Бажов задумал и начал циклы сказов «про первого добытчика», «русские мастера», намеревался продолжить «сказы про кошачьи уши», начал писать цикл сказов «детского тона», создал цикл сказов о семье Левонтия, семье Степана и Настасьи, Данилы и Катерины, наконец, цикл о Малахитнице, начатый в числе первых, Бажов писал всю жизнь, но так и не успел завершить.

Бажовские циклы иногда выглядят как один сюжет «по горизонтали»: к одной истории присоединяется вторая, третья, четвертая... Это простейший способ прира-

⁴⁹ Бажов П. П. Сборник статей и воспоминаний, с. 214--215.

щивания объема цикла. А в принципе его сказы могут быть циклически связаны на жанрово-тематическом и сюжетно-событийном, персонажном и, как выше было отмечено, репертуарном уровнях. Отсутствие одного вида межсказовых связей может компенсироваться другими, что обуславливает подвижность и гибкость формы цикла.

Бажов, для которого рабочий фольклор был личным художественным достоянием, ощущал, что каждый сказ в составе цикла приобретает дополнительную емкость, широту, — происходит увеличение смысла каждого сказа. Писатель ощущал также, что фольклорная по природе циклизация является способом типизации, обобщения.

3. Работа над первым сборником привела Бажова к интересному результату. «Малахитовая шкатулка» 1939 года, с одной стороны, составлена как бы по образцу фольклорного сборника, представляющего произведения (репертуар) одного исполнителя, одного носителя фольклора, а с другой стороны, сказы соотнесены в хронологической последовательности в отношении времени произведений, учтена «древность» фантастических существ, а также соседство семейных циклов. Каждый сказ, по сути дела, обладает композиционной закреплённостью. Изменение последовательности сказов привело бы к смысловым смещениям, как вычленение отдельных сказов из сборника влечет за собой их переакцентировку. Иными словами, композиционная структура «Малахитовой шкатулки» — это структура цикла. Перед нами сборник-цикл. Он был основным, постоянным в творчестве Бажова, менялась лишь степень сопряженности сказов. Так, в начале 40-х годов Бажов при составлении сборника-цикла ослабляет межсказовые связи, сохраняя почти без изменения во всех дальнейших изданиях «Малахитовой шкатулки» кольцевую композицию сборника: вступительный очерк «У старого рудника» и в конце — сказ «Тяжелая витушка» с «Объяснением отдельных слов, понятий...». Но последовательность сказов, их группировка могут варьироваться — по темам, в другом — по времени написания, в третьем — для усиления актуальности сборника в число первых выдвигались сказы с отчетливым идейным звучанием, например сказы о Ленине. Композиционная

структура сборника-цикла очень удачно соответствовала названию «Малахитовая шкатулка». Название приобрело объединяющий оттенок. Этот сборник — как шкатулка, в которой вещи могут по-разному складываться, но оставаться вместе.

4. Второй тип бажовского сборника представляют те, что названы по первому сказу. Эту серию сборников открывает «Ключ-камень» (1942), затем идут «Ермаковы лебеди», «Иванко-Крылатко», «Богатырева рукавица»... В подобных сборниках нет кольцевой композиции, все держится на жанровой близости, иногда — отдаленной тематической перекличке. Они, как правило, имеют подзаголовки, содержащие жанрово-региональные мотивы и призванные указать на общность сказов, собранных под одной обложкой. В ряде случаев подобные подзаголовки выступали как названия: Уральские сказки, Челябинск, 1943; Уральские сказы, М.-Л., 1945 и др.

5. Третий тип — бажовский сборник сказов одной темы, одной проблемы с концентральным названием. Эта форма позволила Бажову оперативно откликнуться на требования военного времени; он ее использовал трижды, выпустив сборники «Живинка в деле», «Русские мастера», «Сказы о немцах», причем в последнем случае снабдил сборник вступительной статьей, связывающей сказы с русской литературной и уральской фольклорной традициями.

АНАЛИЗ ЦИКЛА СКАЗОВ В ПЛАНЕ ФОЛЬКЛОРИЗМА

После того как рассмотрены структура бажовских циклов, принципы организации сборников-циклов, есть смысл обратиться к обстоятельному анализу одного из циклов в плане его фольклоризма и взять, пожалуй, самый значительный, самый интересный цикл — о Малахитнице, тем более что ряд сказов, составляющих ядро цикла, в научной литературе трактуются схематично, а образ Хозяйки Медной горы — прямолинейно и неправильно.

Как уже было сказано, Бажов писал цикл о Хозяйке много лет и не успел закончить. В него входят десять сказов: «Медной горы Хозяйка», «Малахитовая

шкатулка», «Каменный цветок», «Горный мастер», «Хрупкая всточка», «Две ящерки», «Приказчиковы подошвы», «Сочневы камешки», «Таюткинно зеркальце», «Травяная западенка»; сюда же примыкают два незавершенных сказа «Теплая грань» и «Хозяйкино зарукавье»⁵⁰.

Хозяйка Медной горы — осевой центр цикла, и ясно, что этот образ должен быть правильно понят. Однако он трактуется прямолинейно-однозначно даже у самого авторитетного исследователя бажовских сказов М. А. Батина. Он видит в Малахитнице «воплощение мечты рабочих о свободных, а потому могущественных, гармонически развитых, всесторонне совершенных людях, физически здоровых и — главное — духовно прекрасных»; он пишет также о «нравственной красоте» Малахитницы, считает, что ей свойственны «все лучшие человеческие чувства», что ее образ «глубоко человечен и бесконечно обаятелен»⁵¹.

Действительно, Хозяйка может быть как будто справедливой и внешне обаятельной. Но почему ее, как огня, боятся рабочие? Например Степан, герой сказа «Медной горы Хозяйка». Спал он на лужайке, проснулся, увидел недалеко от себя красавицу в малахитовом платье, и его как по затылку стукнуло: «Вот, — думает парень, — беда! Как бы только ноги унести, пока не заметила». Однако ноги унести не удалось, и он в конце концов «невеселый стал, здоровьем хезнул. Так на глазах и таял».

Если Малахитница благородна, духовно прекрасна, тогда почему она издевается над Настасьей? Ведь Настасья выросла сиротой, она скромная и работающая, она не сделала ничего дурного и не заслужила ни порицания, ни насмешки. А Малахитница подарила ей украшения, которые носить просто невозможно: Настасья «наденет кольцо. ... Ровно как раз впору, не жмет, не скатывается, а пойдет в церковь или в гости куда — замается. Как закованный палец-от, в конце нали посинеет. Серьги навесит — хуже того. Уши так оттянет, что мочки распухнут... Буски в шесть или семь рядов только

⁵⁰ Последняя публикация: *Бажова-Гайдар А. П. Глазами дочери. М., 1978, с. 139—149.*

⁵¹ *Батин М. Павел Бажов, с. 115, 117, 118.*

раз и примерила. Как лед кругом ше-то и не согреваются несколько».

Или взять ее тезку из незаконченного сказа «Хозяйкино зарукавье». Настенька, дочь Данилы и Катерины, унаследовала от отца пытливость, любовь к прекрасному и пострадала: ее пронзает змейка-зарукавье Малахитницы. Учитывая эти и подобные факты, о которых речь впереди, нельзя согласиться с тем, что Хозяйка «глубоко человечна и бесконечно обаятельна». Она неоднозначна, в ней есть и доброе и злое, хотя последнее почему-то тщательно камуфлируется не только М. Башиным.

Например, К. Боголюбов выдвигает тезис об особом колорите бажовских сказов и доказывает его следующим образом: «Особый колорит сказам Бажова придает сочетание реального и фантастического. «Тайная сила» участвует в судьбах людей — то выручает из беды, то, наоборот, доставляет несчастье. Но напрасно стали бы мы искать в образах Хозяйки Медной горы, Полоза, змеевок какого-то мистического смысла. Образ «тайной силы» создан прежде всего мыслью о социальной справедливости, о социальном возмездии. Живыми, реалистическими красками рисует Бажов образ Хозяйки: «Девка роста небольшого, из себя ладная, и уж такое крутое колесо — на месте не посидит... Коса ссиза черная и не как у наших девок болтается, а ровно прилипла к спине. На конце — ленты не то красные, не то зеленые. Сквозь светлеют и тонко этак позванивают, будто листовая медь». Так же рельефно выписаны и другие образы сказов»⁵².

В таком виде цитата действительно представляет Малахитницу привлекательной: она немножко сказочная, немножко земная, по крайней мере, ничего сверхъестественного в ней нет. Однако у Бажова она все-таки иная. К. Боголюбов (обратите внимание на многоточие в его цитате) сознательно выбросил то место, где говорится о демонических чертах Хозяйки: «... и уж такое крутое колесо — на месте не посидит. Вперед наклонится, ровно у себя под ногами ищет, то опять назад откинется, на тот бок изогнется, на другой. Одним словом,

⁵² Боголюбов К. В. Павел Петрович Бажов. — В кн.: Бажов П. П. Сборник статей и воспоминаний, с. 13—14.

аргуть-девка. Слышать — допочет что-то, а по-каковски — неизвестно. Только смешком все».

Необычная вертлявость, какое-то невразумительное лопотанье, странный смех Малахитницы сразу же напоминают лопотанье, посвист, хохот, импульсивную подвижность полудницы, дедушки-буканушки, кикиморы и прочей неведомой и нечистой силы из народной демонологии. Эти качества органичны для Хозяйки, делают ее загадочно таинственной, страшной и довольно опасной. И сразу же обнаруживается генетическая связь сказов с народными религиозными представлениями, с народными быличками, шире — фольклорной прозой. Уже во внешнем облике Хозяйки отражена ее двуединная сущность: Степан видит перед собой и прекрасную девушку, и создание демоническое, злое, опасное. Чуть позже он увидит, что Малахитница — настоящий оборотень («вместо рук-ног у нее лапы зеленые стали, хвост вынулся, по хребтине до половины черная полоска, а голова человечья») и назовет ее «погастью»⁵³.

Подземные чертоги Хозяйки сказочно великолепны, но в них нет ничего живого, все статично, как бы омертвело. Люди в ее царстве есть, но никто их не видел, они бездействуют. Когда Данила ушел к Хозяйке, про него стали говорить, что он — «мертвяк», а его невесту стали звать «мертвяковой невестой». Когда он вернулся, люди его стали бояться, «чураются, заклятья разные говорят» («Горный мастер»). И насчет Степана, побывавшего у Малахитницы, замечено, что он «душу нечистой силе продал».

Отметим также, что дорога в царство Хозяйки пролегает через густой лес, который переходит в каменный, или в ее владения можно попасть «пройдя сквозь камень». Подобный путь в царство мертвых характерен для народных сказов и демонологических преданий.

В покоях Малахитницы стены «желтые с золотыми крапинками», «цветы медные», на ее платье могут обозначаться золотистые узоры; она дарит той же Настасье

⁵³ Авторы воспоминаний пишут, что Бажов будто бы трактовал Малахитницу как носительницу позитивных свойств, но сам писатель в письме к Е. Пермяку отмечал все-таки двуединность образа: «... эти старые марийские боги, между прочим, имеют какое-то сходство с Хозяйкой горы, в них также теряются грани мрачного и веселого (с. 116, выделено мною. — В. Б.).

украшения, среди которых есть золотые; свет в лесу Хозяйки идет от золотых змеек: «Солнышка не видно, а светло как перед закатом. Промеж деревьев-то змейки золотенькие трепыхаются, как пляшут. От них и свет идет» («Каменный цветок»). Все это выглядит очень живописно и означает не только необычность и неизмеримость богатств Хозяйки, но и принадлежность ее владений к царству мертвых. В. Я. Пропп, специально изучавший атрибуты царства мертвых в произведениях народной прозы, пишет: «Золото фигурирует так часто, так ярко, в таких разнообразных формах, что можно с полным правом назвать тридцатое царство золотым царством. Это — настолько типичная черта, что утверждение: «все, что связано с тридцатым царством, может иметь золотую окраску», может оказаться правильным и в обратном порядке: «все, что окрашено в золотой цвет, этим самым выдает свою принадлежность к иному царству». Золотая окраска есть печать иного царства»⁵⁴.

Однако герой, понав в сказочные владения Хозяйки, ведет себя вполне достойно. Сюжет сказа «Медной горы Хозяйка» строится как тройное испытание богатством: Хозяйка водит парня по своим чудесным палатам, но он ничем не соблазняется, помня о слове, данном Настасье. Третье испытание — забыть красоту Малахитницы — Степан не выдерживает. В сказе проводится мысль о невозможности счастья для горняка. Труд в горе, во владениях Малахитницы, медленно убивает человека. Даже молодые парни-горняки выглядят изможденными: Степан — «пеженатик», а уж в глазах «зеленью отливать стало»; его товарищ постарше «весь изробленный. В глазах зелено, и щеки будто зеленью подернулись. И кашлял завсе». Молодые мужчины — и такой вид; это противоестественно. Труд в горе — зло. Для крестьянского фольклора подобное изображение молодых людей не характерно, а в рабочем встречается: можно вспомнить «Песню подростков», образ шахтера или коногона в песнях, и Бажов, без сомнения, опирается на рабочий фольклор, рисуя измотанных трудом молодых рабочих.

⁵⁴ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, с. 264.

Человек в сказе «Медной горы Хозяйка» оказался в поле действия двух сил: чудовищного, каторжного труда и стихийного демонического влияния Хозяйки. Сущность первой раскрыта сразу и вполне точно. Вторая введена в повествование под именем «тайной» в облике девушки-оборотня; смысл ее действий, влияющих на человека герою известен, а для читателя пока очерчен пунктирно. Динамику сюжета составляет борьба этих сил, причем человек поначалу оказывается только втянутым в борьбу, а затем судьба горняка и его взаимоотношения с Хозяйкой становятся основными линиями повествования.

Условность образа Хозяйки вполне допускала иной ход сюжета: Малахитница могла ведь сама появиться перед приказчиком, сказать ему, что он, душной козел, должен уйти с Красногорки, иначе... и т. д. Но тогда в стороне оказался бы Степан. Когда же он берет на себя поручение Хозяйки, образуется возможность продемонстрировать классовую, социальную позицию рабочего.

Малахитница и в этом сказе и в других напоминает сказочную царевну. В народных сказках есть два типа царевны: кроткая и коварная. Малахитница ближе к последней, которая может быть очень мстительной и злой, пока жених не решит поставленных перед ним задач. Хозяйка, как сказочная царевна, ищет женихов, ставит им трудные задачи, «женихи» же не могут их выполнить, например Андрюха, герой «Двух ящерок», не смог выдержать даже первого испытания. Парни, приглянувшиеся ей, оказываются связанными обещанием жениться на другой девушке (Степан, Данила).

Критики справедливо говорят, что Хозяйка владеет секретами высокого мастерства, что она готова помочь честным и трудолюбивым рабочим, но забывают отметить, что она готова раскрыть секрет или оказать помощь только холостому парню. С женатыми она не контактирует, они вне ее интересов. Для нее главное — найти холостого парня и в его поисках она использует все, даже жажду познания человеком тайны прекрасного. Данила потому и оказался у Хозяйки, что она, узнав о его творческих исканиях, посмотрела на него как на возможного супруга и заманила к себе, пообещав раскрыть тайну каменного цветка. Катерина это сразу поняла, поэтому при встрече говорит Хозяйке: «Какое

твое право чужих женихов смазывать?» И той пришлось уступить Катерине.

Поиски жениха приносят Хозяйке лишь тоску и слезы. Вступив в брак, она потеряет, согласно сказочным канонам, свое «я», перестанет быть самой собой. На это наслаивается и этический ригоризм рабочих, создавших на традиционной фольклорной основе образ горной царицы Малахитницы: если с крестьянской точки зрения герой мог жениться на царевне и получить полцарства или все царство, то в рабочей среде, признающей этичным только один трудовой путь достижения благополучия и счастья⁵⁵, брачный союз простого человека с богатой царицей невозможен. Видимо, поэтому сознание рабочих наделяло хранительницу богатых месторождений негативными качествами. По рабочим поверьям, даже обычная встреча с Хозяйкой нежелательна⁵⁶, ибо она приносит несчастье: печаль, задумчивость, потерю здоровья, смерть. Поэтому сказ «Медной горы Хозяйка» заканчивается не только смертью Степана, но и суровой констатацией: «Вот она, значит, какая Хозяйка. Худому с ней встретиться — горе и доброму — радости мало». При первом издании сказа было отмечено еще определеннее: «Худому с ней встретиться — горе и доброму — не радость»⁵⁷.

Исследователи бажовского творчества часто игнорируют чудесное как таковое, поэтому о чудесных предметах, фигурирующих в сказах, говорят, что они «трудовыми руками созданы, для трудового человека предназначены»⁵⁸, хотя у Бажова чудеса самые настоящие, а не иносказания или метафоры, по крайней мере, в анализируемом цикле. Например, малахитовая шкатулка

⁵⁵ Иногда рабочие в сказах прямо говорят, что обогащение должно быть только трудовым: «Куда это гоже, чтоб незаробленное брать» или: «Нет копейки надежнее той, коя потом полита» (т. 2, с. 123, 124).

⁵⁶ По воспоминаниям нынешних стариков, даже малахит (камень Хозяйки) — недобрый камень. Малахитовые украшения шли в город на продажу, женщины из рабочих семей их не носили; камнерезы хранили малахит не дома, а где-нибудь в сарайчике, бане. «От малахита — зло... Особенно если он в женских украшениях... Я хоть и не суеверен, а дома у себя малахита не держу». — *Давыдов И.* Тагальские повеллы. — Урал, 1970, № 8, с. 113.

⁵⁷ Дореволюционный фольклор на Урале. Собрал В. П. Бирюков. Свердловск, 1936, с. 206.

⁵⁸ *Скорино Л. И.* Павел Петрович Бажов, с. 155.

может уменьшаться в размерах, ее нельзя украсть (случай с хитинком из сказа «Малахитовая шкатулка»); кольца, серьги, бусы и прочие украшения из шкатулки могут светиться, излучать тепло или холод, превращаться в капли и совсем исчезнуть. Почему? Потому что шкатулка и украшения чудесные; рациональное объяснение здесь невозможно.

И не людям труда предназначена шкатулка. Малахитница презентовала ее невесте Степана, а та не может воспользоваться подарком: от кольца синел палец, мочки ушей распухали от сережек, бусы охладили шею. Не смогла носить украшения и Паротина жена. Бажов в комическом плане описывает попытку Паротиной жены «пристроить» на голове украшения и тем самым усиливает социальное звучание сказа, но факт остается фактом: чудесные кольца, серьги, прочие вещи носить обычным женщинам нельзя. Бажов также описывает, как барыня пыталась найти в городе мастера, чтобы он подогнал украшения: «Мастер старый-престарый, а по своему делу дока. Оглядел шкатулку, спрашивает, у кого куплено. Барыня рассказала, что знала. Оглядел еще раз мастер шкатулку, а на камни и не взглянул даже: «Не возьмусь, — говорит, — что хошь дайте. Не здешних мастеров работа. Нам несподручно с ними тягаться». Барыня, конечно, поняла, в чем тут закорючка, фыркнула и побежала к другим мастерам. Только все как сговорились: оглядят шкатулку, полюбуются и от работы наотрез отказываются».

А «закорючка» в том, что украшения впору только Татьяне, а она — та же Малахитница, ипостась ее, т. е. чудесный персонаж, хотя исследователи и здесь усмотрели скрытую метафору, поэтому дружно пишут, что Татьяна — «простая заводская девушка»⁵⁹, «горнячка»⁶⁰, «рабочая девушка»⁶¹. Действительно, Татьяна напоминает хорошую девушку из рабочей семьи: много трудится, равна и уважительна со старшими, строга с заводскими парнями, но она и не от мира сего: внешне похожа на Малахитницу и обладает качествами Хозяйки. Она может превращаться в неземную красавицу, исчез-

⁵⁹ *Скорина Л. И.* Павел Петрович Бажов, с. 194.

⁶⁰ *Батин М. П.* Бажов. Жизнь и творчество. М., 1963, с. 153.

⁶¹ *Гельгардт Р. Р.* Стиль сказов Бажова, с. 384.

путь в малахитовой стенке и, наоборот, появляться в «пуговке» обычного бутылочного стекла и т. п., а после случая в царском дворце стали говорить, будто «Хозяйка Медной горы двойтаться стала: сразу двух девиц в малахитовых платях люди выдали». Понимание чудесного как обычной метафорической фигуры сказалось на трактовке других сказов цикла. Остановимся подробнее на них.

Сказ «Горный мастер» — о любви. М. Батина это, видимо, смущает. И поскольку Катерина, дожидаясь своего жениха, пилила малахитовые бляшки и по ним узнавала о чувствах Данилы, исследователь делает вывод об общности трудовых интересов: «Общность трудовых интересов, общность духовной жизни не только укрепляет взаимное чувство, оно совершает «чудо», возвратив Данилу и Катю друг другу»⁶².

Действие «Горного мастера» происходит через «два либо три года», как исчез Данила. Писатель рисует безрадостное положение Катерины: по годам она вышла из невестинной поры, мать с отцом умерли, сестры и братья перессорились из-за родительского дома, и ей пришлось идти жить в избушку Прокопьяча, усыновившего когда-то Данилу. Прокопьяч стар, совсем «изробился»: «день сидит, два лежит». Чем жить? Катерина вынуждена помогать немощному старику: «Помогала ему, где можно. Распилить там, пошлифовать. Прокопьяч и стал ей то-другое показывать. Не то, чтобы настояще».

Но и Прокопьяч скоро умер, осталась Катерина одна. Никаких творческих раздумий у нее нет, надо как-то жить и ждать Данилу. И она ждет, хотя в поселке над ней смеются, и родня требует, чтобы она поскорее выходила замуж. Ее даже пугают: «Блазнить станет». Бажов описывает, с какими трудностями сталкивается Катерина, и это отчетливо подчеркивает силу ее любви, ее верность жениху. У нее один ответ: «Никто его мертвым не видел... Придет Данилушка».

В народной поэзии женская верность изображается всегда с сочувствием. Невеста, тоскующая и ждущая любимого, отвергающая лестные предложения, в песнях и сказках всегда овеейна народной симпатией. А в

⁶² Батин М. П. Бажов. Жизнь и творчество, с. 136.

сказе люди осуждают Катерину; даже обзывают ее, потому что она ждет не обычного парня, а парня, отмеченного тайной силой, — «мертвяка». Поэтому-то «на смех подымать стали: прозвали ее мертвяковой невестой. Ей это и прильнуло. Катя Мертвякова да Катя Мертвякова, ровно другого прозвания не было». Однако она стоит на своем.

Своей непреклонностью Катерина бросила вызов не только поселковому мнению, но и тайной силе. Столкнулись любовь заводской девушки и всемогущество Хозяйки — в этом суть конфликта. Из предыдущего сказа известно, что и Данила любит Катерину, значит, в «Горном мастере» противопоставлены земная любовь молодых людей и сила горной царицы Малахитницы. Любопытно, что развитие сюжетного действия идет почти по-сказочному.

В народных сказках герой, попадая в затруднительное положение, идет на могилу отца, ночует там три ночи и получает чудесного помощника, а сказочной героине достаточно поплакать на могиле предка, чтобы приобрести желаемое. Мертвые помогают живым за своеобразную услугу.

Катерине нужен подходящий камень, чтобы напилить бляшек на продажу. Она идет на Змеиную горку, сидит там и плачет, «так слезы на землю и каплют». И только она оросила слезами землю, «глядит — у самой ноги малахит-камень обозначился». Мотив помощи мертвеца слегка намечился. Чуть позже он появится еще раз и будет подан в форме пьяной болтовни, наговора подвыпивших поселковых парней: Катерина засиделась ночью за станком и к ней стали ломиться трое пьяных парней: «Отворяй, мертвякова невеста! Принимай живых гостей». Она их припугнула топором, и они убежали. Но когда в поселке над ними начали смеяться, мол, трое одной девушки испугались, они «сплели, будто Катя не одна была, а за ней мертвяк стоял». С той поры стали говорить, будто Катерина знает с мертвецом, что в ее избушке «нечисто». Здесь еще уравновешены плоскости реального и сказочно-чудесного и нельзя принять одного решения, но далее Бажов вводит прием совпадения символических картин, и мотив помощи Данилы обозначается явно.

Рисунок на распиленных Катериной бляшках полу-

чился со смыслом — «будто из середины-то дерево выступает, а на ветке птица сидит, а снизу тоже птица». В фольклорной символике две птицы, сидящие на одном дереве, означают влюбленных. Катерина это понимает. Кроме того, совпадение — все бляшки «на один узор!» Это мог быть случай. Катерина сначала так и думает: «Хорош камешек попался. Случай, видно, счастливый вышел». Но тут же: «А не Данилушка ли это мне весточку подал?» И сразу же она бежит «куда-то за Зменную горку». Следует сцена, совпадающая с символическим сюжетом бляшки. Катерине кажется, что стоит она на высоком дереве, «на самой вершине» и видит: «идет кто-то внизу, на Данилушку походит и руки вверх тянет». Она кинулась... упала, оказалось, лежит тут же на земле, где стояла. «Верно, блазнить мне стало», — думает Катерина, и читатель тоже не уверен, был ли Данила.

Чтобы проверить, Катерина загадала: «Распилю новый камень. Если будет такой же узор, значит, видала я Данилу». Когда отпилила досочку, «узор и обозначился: еще лучше того-то. Птица с дерева книзу полетела, крылья расправила, а снизу навстречу другая летит». Снова совпадение. Но если в первый раз птицы сидели, то сейчас летят. Подтверждается происшедшая встреча и одновременно летящие птицы могут быть восприняты как призыв к действию, поэтому Катерина «и думать не стала. Схватилась да и побежала».

Следует встреча с Хозяйкой. Катерина требует вернуть Данилу. «С достоинством и доброй снисходительностью старшей и сильной Хозяйка поправляет Катю: «Сам он пришел за тем, что теперь забыл», — и предлагает Даниле выбирать», — пишет М. Батин об этой встрече⁶³. В сказе все как раз наоборот. Разговор Катерины с Малахитницей напоминает перебранку поселковых девушек, поссорившихся из-за парня. Катерина «прямо на горло наступать стала» Хозяйке, «кричит» на нее, а Малахитница тоже за словом в карман не полезла, называет Катерину «дурой», та в долгу не остается: «А ты — разлучница!». Куда девалась рассудительность, величавость Хозяйки! Кажалось бы, она может прибегнуть к своей власти над людьми, но дело в

⁶³ Батин М. П. Бажов, с. 83.

том, что Катерина любит и любима, — это тоже сила, по-настоящему прекрасная, истинно человеческая, ее ничто не может сломить! В этом Хозяйка окончательно убеждается, когда Данила, вольный в выборе, говорит, что людей забыть не может, а Катерину помнит «каждую минуту». Хозяйка пасует: «Твоя взяла, Катерина! Бери своего мастера». Так наступает торжество любви.

Катерина и Данила, красивые своей высокой нравственностью, силой любовного чувства, вроде бы заслуживают сказочного «стали жить-поживать и добра наживать». Но Бажов понимал невозможность идеализированного романтического бытия для своих героев. Этого не допускала и художественная логика образа Хозяйки, которая совсем не была способна на добрую снисходительность к женщинам. Поэтому атмосфера светлой гармонии и безмятежного счастья Данилы и Катерины нарушается. Малахитница одаривает Катерину: «За удалость да твердость твою вот тебе подарок: пусть у Данилы все мое в памяти останется. Только вот это пусть накрепко забудет!» — и полянка с диковинными цветами сразу потухла».

Из предыдущих сказов известно, какую печальную роль в судьбе Степана и Настасьи сыграл подарок Хозяйки. Мы знаем также, что Татьяна, двойник Хозяйки, оставила Турчанинову «пуговку», и он после этого «последний умишко потерял». И когда узнаем о подарке Катерине, возникает опасение: ведь Хозяйка просто так ничего не дарит. В конце сказа опасение подтверждается: молодые живут в достатке, «только нет-нет — и задумается Данила. Катерина понимала, конечно, о чем, да помалкивала».

Следы контакта Катерины и Данилы с Хозяйкой обозначатся также на судьбе их детей. Митенька из сказа «Хрупкая веточка» перенял все лучшее у отца, правда, он «то ли с крылечка, то ли еще откуда свалился и себе повредил: горбик у него стал расти». Случайность? Возможно. Только странное совпадение: Хозяйка у Настасьи подменила Татьяной третьего ребенка, и Митенька третий у Катерины. Именно ему стала помогать Малахитница, когда он повзрослел и у него «ус пробиваться стал». Причем Митя не ищет помощи у Хозяйки, срывает былой отцовский контакт с ней. В этом сказе линия Митя — Хозяйка перебивается со-

циальным конфликтом, и судьба героя неопределенна: он куда-то скрылся, даже мать с отцом ничего не знают. Только в сказе «Теплая грань», который Бажов не дописал, говорится, что Митя работает в Березовском заводе.

Бажов описывает жизнь семьи Данилы в пяти сказках, если считать два незаконченных — «Теплая грань» и «Хозяйкино зарукавье». В начале «Каменного цветка» Данила — маленький мальчик, а в «Теплой грани» — уже дедушка, и вся его жизнь, по сути дела, связана с тайной каменного цветка.

Впервые о нем Данила услышал в детстве, когда его после зверской порки выхаживала бабка-лекарка Вихориха. Бабка всякий «открытый» цветок в округе знала, она же рассказала мальчику про три «неоткрытых» цветка: первый — папоротник — цветок колдовской, «клады им открывают», цветет на Иванов день; второй — «на разрыв-траве цветок — бегучий огонек. Поймай его — и все тебе затворы открыты. Воровской это цветок»; наконец, третий — каменный цветок, он растет «в малахитовой горе, полную силу имеет на змеиный праздник. Несчастный тот человек, который каменный цветок увидит». Бабка Вихориха в своем предании не только поставила каменный цветок в один ряд с «колдовским» и «воровским» цветками, но и связала каменный цветок со змеиным праздником. В дальнейшем мотив каменного цветка и мотив змеи, змеиного праздника будут постоянно соприкасаться.

Вторично о каменном цветке рассказал Даниле безымянный старичок, «вовсе ветхий старичоночко». В его рассказе многое названо, однако многое лишь намечено в виде намеков. Он сказал о горных мастерах, которые «в горе живут, никто их не видит», хотя сам однажды видел: «Случалось мне раз видеть». Здесь самое интересное место. Где, каким образом, когда это ему удалось? Но рассказчик ничего не сообщает, прибегая к фигуре умолчания.

Сам факт признания старика выглядит как подтверждение достоверности его сообщения — подобный прием доказательства истинности постоянно встречается в народных преданиях и рассказах-воспоминаниях. Старик, как и Вихориха, слышал, что каменный цветок приносит несчастье: «Кто поглядит, тому белый свет не мил

станет». Но зато старик предупредил: увидеть каменный цветок — «понять» красоту. Мотивы каменного цветка и змеи снова в его рассказе соприкасаются: кто видел каменный цветок, тот может выточить «как есть живую змейку-зарукавь».

Наконец, третий раз упоминание о каменном цветке вложено в уста самой Хозяйки. Она откровенно предостерегает Данилу: человек, увидевший цветок, потом об этом жалеет и может вернуться к людям лишь на время. Он становится, по сути дела, каким-то должником Малахитницы: «Не отпустишь из горы?» — спрашивает Данила. — «Зачем не отпущу! — отвечает Хозяйка. — Дорога открыта, да только ко мне же ворочаются»⁶⁴.

Данила находит подходящий для дурман-чаши малахит у Змеиной горки; когда назначили день его свадьбы с Катериной, оказалось, что «как раз около Зменного праздника свадьба пришла». К слову кто-то и помянул про это — вот-де скоро змеи все в одно место соберутся». А бабка Вихориха когда-то говорила, что каменный цветок именно на змеиный праздник силу имеет. Не потому ли накануне свадьбы, накануне змеиного праздника Данила ушел в горные мастера? С другой стороны, оставалась последняя возможность встречи с Малахитницей, ибо после свадьбы она бы не пошла на контакт с Данилой: ей нужны лишь холостые парни.

Любовь Катерины и Данилы оказалась сильнее тайцы каменного цветка, но полного спокойствия и счастья в семье Данилы нет. В отличие от всех других поселковых камнерезов он был в горных мастерах, а Малахитница его предупредила, что такие люди к ней же возвращаются, т. е. раз установленный контакт может быть лишь временно прерван. Возможно, такая жесткая норматив-

⁶⁴ Стоит указать на один из текстов сборника «Уральский фольклор», где фигурируют многие из отмеченных мотивов бажовских сказов. Там мы находим заколдованную гору с чудесными цветами: «Тройки по горе шли винтом, все выше и выше, а цветы все лучше и лучше. Человека заманивали на самый верх, а сверху никто не спускался»; люди или погибали или попадали в гору и там работали «на производстве» у некоей девицы, которая «управляет всею горой». Парень, попавший к этой девице, поражается богатству, которым она владеет: «У ней там все помещенье вызолочено. Он зашел и удивляется, что это такое? Никогда он раньше такого не видал». — Уральский фольклор. Под ред. М. Г. Китайника. Свердловск, 1949, с. 182—184.

ность образа Малахитницы как-то сдерживала Бажова в работе над этим семейным циклом и два сказа остались незавершенными. Но в них Малахитница опять вмешивается в жизнь семьи Данилы и приносит печаль, тяжкие раздумья.

Рабочие считают Хозяйку жестокой и безжалостной, поэтому они ее избегают, но иногда бывают вынуждены столкнуться с ней. И в этом случае человек может выйти победителем благодаря своему жизненному опыту и активности. Ведь Хозяйка— чудесное существо с вполне определенными нормами поведения, устойчивым кругом требований и запретов. Если эти требования знать и благоразумно их использовать, то можно остаться целым-невредимым. Так Бажов мастерски строит целый сказ на основе одного запрета. Это запрет женщине спускаться в шахту, во владения Хозяйки.

В одном забое пошла руда со шлифом. «Хозяйка зеркало расколола, обвал будет»,— сказали старики. «Люди, понятно, сторожатся кто как может, а начальство в первую голову. Рудничный смотритель как услышал про эту штуку, сразу в ту сторону и ходить перестал, а своему подручному надзирателю наказывает: «Распорядись подпереть проход двойным переключением из лежаков да вели очистить до надежного потолка забой. Тогда сам погляжу». Рабочие понимают: идти в забой— верная смерть.

Надзиратель отправляет туда самого безответного, самого безотказного— Ганю Зарю: «На диво безответный мужик выдался. То ли его смолоду заколотили, то ли такой уродился— никогда поперек слова не молвит. А как у него семейная беда приключилась, он и вовсе слова потерял». Ганя идет в забой не один, а с четырехлетней дочкой Таяткой, переодев ее в одежду мальчика.

Есть в фольклорной поэтике закон переодевания: персонаж надевает чужую одежду, и все воспринимают переодетого человека как того, чью одежду он надел. Перемена одежды означает и «перемену» пола: женщина, надевшая мужскую одежду, воспринимается как мужчина, и наоборот. Закон переодевания используется чаще всего в сказочном эпосе. Находим его и у Бажова в сказе «Таяткино зеркальце», но писатель очевидную категоричность фольклорного закона снимает мотиви-

ровками. Известно, что мотивировки — чисто литературный прием, в подлинно фольклорных произведениях их не бывает. В сказе они есть и имеют, кроме самостоятельной функции, указанную вспомогательную.

У Гани была семья: жена и сын с дочкой. Жена умерла, ее смерть мотивирована: полоская бельё, «скользнула под лед» и к весне «свечкой стаяла». Эпизод не случайный, ибо позже нужно будет сказать, что некому хозяйничать в доме, и Ганя вынужден брать дочку в шахту. Затем умер мальчик. Мотивировки смерти нет, что настораживает: если нет литературной мотивировки, то жди проявления фольклорной закономерности. У Бажова почти всегда так, особенно в сказах конца 30 — начала 40-х годов.

И действительно, чуть позже станет ясно, что писателю нужен в сюжете не сам мальчик, а одежда мертвого мальчика — в нее Ганя обрядит дочку, когда поведет ее во владения Хозяйки. Зачем переодевание? Ганя рассуждает: «А чтобы не было от начальства привязки, что, дескать, женскому полу в шахту спускаться нельзя». Информация о запрете. Но запрет будто бы исходит не от Хозяйки, а от начальства. Таким ходом писатель, во-первых, приглушает суеверность шахтеров и, во-вторых, подготавливает восприятие их сочувствия: рабочие жалеют Таятку, стараются позабавить ее — «известно, ребенок! Всякому охота, чтоб ему повеселее было. Берегут ее в шахте, потешают, кто как умеет. То на порожней тачке подвезут, то камешков узорчатых подкинут».

На самом деле рабочие знают порядки, установленные Хозяйкой в своих владениях, боятся ее гнева. Их страх затушеван мотивировками, но все-таки проявляется в мерах предосторожности. Например, рабочие хоть и развлекают Таятку по-разному, кто как умеет, но разговаривают с ней только как с мальчиком: «Кто опять ухватит па руки, подымет ее выше головы, да и наговаривает:

— Ну-ко, снизу погляжу, сколь Натал Гаврилыч руды себе в нос набил. Не пора ли каелкой выворачивать?»

Подшучивали, значит. И прозвище ей дали — Натал Гаврилыч. Как увидят, сейчас разговор:

— А, Натал Гаврилыч!

— Как житьишком, Натал Гаврилыч?

— Отцу пособлять пришел, Натал Гаврилыч? Дело, друг, дело. Давно пора, а то где же ему одному управиться».

Шахтеры будто в шутку называют маленькую девочку как уважаемого шахтера, по имени и отчеству: Натал Гаврилыч. Отчество — по имени отца (Ганя — Гаврил), но почему Натал? Девочку зовут не Натальей, ее полное имя — Таисия. По словарям личных имен, Таисия и Наталий (Натал) никак не связаны даже производными, это разные имена, женское и мужское. Следовательно, шахтеры, называя ее шутя Натал Гаврилычем, на самом деле дали ей мужское имя и сознательно именуют ее так в шахте. Причем у Бажова все точно выдержано: Натал Гаврилычем называет ее старик Полукарпыч даже тогда, когда они одни в шахте и никакого начальства нет. Но вот у Натал Гаврилыча в руках зеркальце — угроза обвала позади, и он сразу же превращается устами того же Полукарпыча в Таятку.

То, что девочка, надев одежду умершего брата, временно «изменила» пол, подобно сказочной героине, подтверждается еще двумя случаями: 1. Когда открылось зеркало, она увидела свое отражение, испугалась, заплакала, не узнав себя, — на нее смотрел «большой парень» (зеркало увеличивало размеры): «... заревела во всю голову: «Тятя, дедо! Большой парень из горы царяется!» Гаврило со стариком подбежали... сперва-то и сами испугались, потом поняли: «Наш Натал Гаврилыч себя не признал». 2. Когда по руднику разнеслась весть, что у Гани зеркало открылось, все кинулись смотреть. «Таятку кто-то подтащил к зеркалу да кричит: «Это вот тот большой парень зеркало открыл!» Здесь уже не сама девочка, а другие люди как бы видят ее в зеркале парнишкой.

Во второй части сказа Бажову уже не пришлось прибегать к сложному переплетению сказочно-реального. К наказанию барыни и ее спутников приводит открытое нарушение двух запретов Хозяйки. Во-первых, барыня спустилась в забой, хотя ее предупреждали, что «никак нельзя женщине в шахту», и, во-вторых, она не только произнесла слово «хозяйка», что не рекомендовалось делать во владениях Малахитницы, но и назвала себя

хозяйкой горы: «Хочу, чтоб это зеркало у меня стояло, потому как я хозяйка этой горы!»

Волшебные владыки не терпят, чтобы кто-нибудь претендовал на их роль. В сказке о золотой рыбке (не пушкинской, а народной) своенравная старуха моментально превратилась в медведицу, как только изъявила желание быть владычицей морской. В сказе «Таюткино зеркальце» происходит примерно то же. Едва барыня проговорила, что она хозяйка горы, сразу же «из зеркала рудой плюнуло. Барыня завизжала и повалилась». Она осталась жива, только «с той поры все дураков рожала. И не то что недоумков каких, а полных дураков». Смешно, конечно. Но и жестоко, потому что трудно придумать для женщины более суровое наказание. А в целом справедливо.

Хозяйка и в этом сказе осталась прежней. И если она сохранила жизнь Гане, Полукарпычу и «большому парню» Натал Гаврилычу, то потому, что они как-никак, а соблюдали правила, установленные ею, чего не хотела делать заграничная барыня и сопровождавший ее баринок. Такой вывод можно сделать, только исходя из фольклорной основы сказа, но и его вполне достаточно, чтобы признать поспешными заключения, например, А. Саранцева. Анализируя «Таюткино зеркальце», он пишет, что «Хозяйка горы — символ, воплощающий в себе чистоту и мощь народного патриотизма». Можно только недоумевать. Когда же он называет Хозяйку «выразительницей народных дум и чаяний»⁶⁵, то он вместе с другими исследователями превращает Малахитницу в этакую рабочую богородицу, матушку-заступницу: обратись к ней, и она поможет. Но никто из рабочих не спешит к ней за помощью. Хозяйка, повторяем, добрая и жестокая одновременно, поэтому рабочие избегают ее; когда же обстоятельства заставляют столкнуться с ней, рабочие делают так, чтобы обойти зло, не коснуться его. Бажов, используя фольклорные и литературные средства, мастерски рисует этот «обход», показывая тем самым активность, жизнестойкость рабочих. В сказе мы видим шахтеров, испытывающих гнет хозяев и власть Хозяйки, но сохраняющих все, чем при-

⁶⁵ Саранцев А. П. П. Бажов. Жизнь и творчество. Челябинск, 1957, с. 252, 253.

влекателен человек. Хозяйка, конечно, не воплощает мощь народного патриотизма, как пишет А. Саранцев, она не является и «выразительницей нравственных норм трудового народа», как почему-то считает С. Антонов⁶⁶. По рабочим представлениям, Хозяйка — демоническая сила, которую, как и силу хозяев, необходимо преодолеть.

Здесь уместно вспомнить Андрея Соленого из сказа «Две ящерки», ему как будто помогла Хозяйка. Но что из этого получилось? Умиравший Андрей перед тем, как свалиться в рудничную мокреть, подумал: «Эх, зря люди про Хозяйку сказывают, будто помогает она. Коли бы такая была, неуж мне не пособила бы? Видела, поди, как человека в горе замордовали. Какая она Хозяйка! Пустое люди плетут, себя тешат».

Конечно, люди говорили, что Хозяйка может вмешаться, если человека «в горе» мордуют, но только «худому с ней встретиться — горе и доброму — радости мало». Люди и это говорили.

Хозяйка услышала зов Андрея, пришла на помощь, чудесным питьем, едой, сном на волшебной кровати поставила его на ноги. И хотя он не смог убить барина, на заводе все-таки все печи «наглухо заморозил». Андрей — настоящий бунтарь, непокорный, с развитым чувством справедливости. Такие люди в своей среде всегда являются идейными вдохновителями, вожаками, хранителями нравственных ценностей, а вне среды им нет жизни, ибо исчезает та почва, на которой только и может существовать подобная натура. И помощь Хозяйки оказалась для него губительной: он побывал в палатах Малахитницы, и люди отвернулись от него, стали считать его мертвецом.

Здесь необходимо сделать пояснение. В предыдущих рассуждениях и сейчас понятие «мертвый» употреблялось в старом народном, а не современном смысле. По народным представлениям XVIII—XIX веков, в том числе и тем, что отразились в сказах Бажова, живой и мертвый отличаются только формой бытия. Если для нас мертвец — это человек, переставший существовать, то в народной демонологии и сказках мертвец — это человек, изменивший только вид бытия, перешедший в

⁶⁶ Антонов С. От первого лица. М., 1973, с. 257.

нной мир, мир мертвых, где есть свои законы, обычаи, порядки и где существование человека продолжается. Поэтому мертвый может приходить к живым, вмешиваться в их дела, если его, например, захоронили не по обычаю.

Народный и христианский похоронные обряды имеют одну цель, отличаясь, конечно, по исполнению. В «Двух ящерках» барин думает, что Андрея задавило завалом, его не похоронили по обряду — просто оставили в земле, за что он и мстит живым людям. Его нужно срочно захоронить по-настоящему, отсюда приказ: «Отрыть задавленного и понам отдать, пушай, дескать, хорошенько захоронят, по всем правилам, чтоб не вставал больше». Расчистили завал, мертвеца нет. Барин рвет и мечет: «Поймать, коль живой». Слуги увидели Андрея на горюшке, окружили, а он на глазах у всех «нажал на камень да туда». На барских слуг напал страх: «Всамделе, видно, покойник, коли через камень ушел». Узнав об этом, барин спешит убраться от греха подальше. Его «запотряхивало с перепугу: «В Сысерть мне надо, дело там спешное».

Не только барин и его слуги считают Андрея мертвецом — это полбеда, но и поселковые жители, все рабочее, и это главная беда. Андрей потому и смог «заморозить» печи, что все, без исключения, испугались его как мертвеца, когда он ночью появился на заводе: «Увидали его там — перепугались. Побросали все, да кто куда. Надзиратель ночной с перепугу на крышу залез. На другой день уж его сняли — обеспамятел вовсе... Андрюха и походил у печей-то... Опять все наглухо заморозил...». После этого случая безымянная девушка скажет подругам, что Андрей все-таки живой, раз он все печи заморозил, но единственное здравое замечание не рассеет всеобщего суеверного страха. От Андрея отвернулись даже те, кого он считал самыми близкими: любимая девушка Тасютка («боятся, как бы Андрюха к ней под окошко не пришел»), Михаил, который «вместе с Андрюхой у печи ходил». Андрей знал, что Михаил — парень хоть и «простоватый», но и «надежный», а этот «надежный парень» не только убежал от Андрея, но и выдал место их встречи: «Андрюху Соленого видел.. Вон за тем вересовым кустом».

Суеверный страх, сковавший людей, оказался такой

силой, которую Андрей преодолеть не смог. Герой, наделенный социальной активностью, жаждой деятельности, отвергнут своей же средой — вот к какой трагической ситуации привела героя связь с Малахитницей. Его беда и в том, что он не может свободно уйти от Малахитницы. Она ему не показывалась в облике девушки до тех пор, пока он не собрался навсегда покинуть ее чертоги. Но как только парень сказал: «Спасибо этому дому — пойду к другому», сразу Хозяйка и показалась ему, как быть должно. Остолбенел парень — красота какая!»

Бажов иногда сознательно смягчает трагичность последствий контакта человека с тайной силой. Этот сказ заканчивается полной неопределенностью (это одна из форм смягчения печального финала): неизвестно, остался Андрей у Малахитницы, нет ли — «про то мне старики не сказывали».

Сказ «Две ящерки» историчен в основе. Когда Андрей в первый раз посадил козла в печи, он был за это закован, его поступок «вызвал проявление ценнейшей черты пролетарского сознания — солидарности рабочих: «Рудничные всяко старались выволить Андрюху», — пишет М. Батин⁶⁷. Исследователь прав лишь наполовину, потому что ставит здесь точку. Бажов показал, как солидарность рудничных рабочих превращается в ничто под давлением суеверности тех же рабочих. Кроме того, сам Андрей, хоть и обладает завидной общественной активностью, оказывается тоже суеверным — его обращение к демонической силе ввергло его в бездну, из которой нет пути к людям. Бажов по-настоящему историчен, потому что не камуфлирует противоречивости, ограниченности общественного сознания рабочих людей XVIII века.

Другое дело — середина XIX столетия. В рабочей среде уже нет такой беспросветной суеверности. Критицизм теперь — вполне устойчивое свойство сознания тружеников. В то же время еще есть суеверные люди и возможно столкновение суеверия и здравого смысла, что и находим в сказе «Травяная западенка». Сказ строится на пародировании кладоискательских тайн и веры в природных хозяев.

⁶⁷ Батин М. П. Бажов. Жизнь и творчество, с. 157.

Устя оказалась в трудной ситуации: барыня приказала выйти замуж за нелюбимого Яшку, который хочет жениться на Усте, чтобы выведать у нее тайну травяной западенки. Кажется, спасения Усте нет. Все исследователи, начиная с Л. Скорино, пишут, что Усте помогла Малахитница. Привлекательность Хозяйки таким способом и доказывается: она, мол, прониклась горем этой девушки в «сиротской одежке», наказала нахального Яшку, барского угодника. Но Хозяйка никогда не помогает женатым мужчинам и тем более женщинам. Да и Устя не настолько суеверна, чтобы надеяться на помощь тайной силы, а дубиноголовый Яшка Облезлый искренне верит в нее. Этим и воспользовалась Устя.

Когда щегарь Яшка начал ухаживать за Устей, она его «на смех подняла». Описываются две попытки Усти отбиться от ухаживаний Яшки. 1. Устя устраивает вечеринку. Около порога протянула веревку. «Как Яшке в избу заходить, Устя натянула веревку, он и чебурахнулся носом в пол, аж посуда на середине забренчала. Подружки смеху до потолка подняли, а Яшку не проняло. Поднялся, да и говорит: «Не обессудьте, девушки, не доглядел вашей шутки...». 2. Устя подложила Яшкиному мерину под седло колючки, мерин «сдичал — сбросил Яшку на чьи-то ворота. Только Яшке хоть бы что». Выставить его на всеобщее посмешище не удалось, обе попытки безрезультатны, поэтому приуныли подружки: «Как ты, Устя, отобьешься?». Далее следует приказ барыни обвенчать Устю и Яшку сразу же, как кончится пост. Время еще есть, и Устя начинает действовать.

Приходит к ней Яшка, и она первая заводит речь о самом важном для него: «Спрашивают меня люди, не знаю ли про отцовскую малахитовую ямку, да я не сказываю... Место, где богатство открывается, никому не известно. А я могу сказать, в которое время и где голос слушать». Устя говорит серьезно или шутит?

Если открывает тайну западенки, значит, предаст отца, погибшего, но не давшегося в руки «барским нюхалкам», — эти лакеи однажды выследили его, едва не поймали, но он в болоте отсиделся, «тут и нездоровье получил» и скоро умер. Устя предаст и мать, которой в свое время из-за западенки тоже досталось, ей «пригрозили всяко, улещали тоже, в каталажку садили,

плетями били. Одним словом, мытарили. Еле она отбилась».

Может ли Устя («цветик», «утеха», вообще порядочная девушка) совершить подлость? Конечно, нет. Она явно морочит Яшке голову: с деланной серьезностью рассказывает, где, когда слушать голос, как вести себя, а Яшка верит ей, думает, что близок к тайне малахитовой ямки, травяной западенки.

Сцены у Климинского рудника и Карасьей горы, где Яшка по совету Усти искал травяную западенку, написаны Бажовым так, что отрицают достоверность одна другой. В первой больше комизма. Пародийно выглядит Яшка, стоящий с банным опарышем под градом камней. В кладонискательской рецептуре могут быть различные испытания, кроме испытания болью. Здесь же летят в Яшку камни, «до того порно бьют, что едва на ногах держится, даром, что мужик здоровенный». Читатель уже готов принять происходящее за Устину проделку, дважды ее попытки отвязаться от Яшки были безрезультатными, а сейчас все вроде бы складывается благополучно, но у Карасьей горы обстановка выглядит совсем иначе: возле Яшки появились светлячки — «как западенку по траве обвели, и кольцо посередке». Итак, первая сцена отрицает вторую, точнее, достоверность второй, и наоборот. Писатель ведет повествование на грани правды-неправды, на грани серьезного-комического, но если эти сцены связать с предыдущими действиями Усти, то они могут выглядеть как третья шутка, которая удалась, потому что Яшка оказался суеверным, недалеким человеком. Он вообще глуповат, напоминает фольклорного простака, воспринимающего все буквально, не способного взглянуть на себя со стороны.

Устя искусно морочила Яшке голову одна или, скорее всего, с помощью своего будущего мужа и его друзей. Когда заводские парни попытались отвадить Яшку от Усти и избили его, то «многим пришлось спину показывать», но больше всех досталось «одному чернявому парню». Почему? Неизвестно: «виноватее всех что-то оказался». Как зовут парня? «Забыл его прозванье», — говорит рассказчик. Встречался ли «чернявый» с Устей, любила ли она его, тоже неизвестно. Об

этом парне все время говорится недомолвками, намеками, его роль в сюжетном действии скрыта, замаскирована, личные отношения «чернявого парня» и Усти — в подтексте, а в конце сказа оказывается, что именно за него после гибели Яшки она «веселенько замуж выходила». И в дальнейшем «они складненько жили».

Рассказчик сам верит в реальность Малахитницы и постоянно подчеркивает ее ревнивую заботу о земельных богатствах. Она тщательно оберегает некоторые места, например Красногорку. Почему именно это место, рассказчик прямо не говорит, предлагая читателю самому решать, то ли здесь у Малахитницы были какие-то особые богатства, то ли Красногорка дорога ей как место встречи со Степаном. Скорее всего, верно второе предположение. Здесь Степан впервые увидел Малахитницу и она через него грозно потребовала от Душного козла «убраться» с Красногорки, не ломать ее «железную шапку»... При расставании со Степаном она заплакала. «... Руку подставила, а слезы кап-кап и на руке зернышками застывают. Полнехонька горсть. — «На-ко вот, возьми на разживу. Большие деньги за эти камешки люди дают»⁶⁸. Но Степан не продал камни, не стал богатым, наоборот, скоро заболел, «так на глазах и таял». И хворый начал ходить на Красногорку, то ли охотиться, то ли искать встречи с Хозяйкой, но нашли его там мертвым с камешками, подаренными Хозяйкой. После этого решил попытать счастья на Красногорке Ванька Сочень.

В сказе «Сочневы камешки» описываются три по-

⁶⁸ Превращение женских слез в драгоценные камни — устойчивый фольклорный мотив. «Настенька, дочь Семигора любимая, ждет-не дождется Ивана Беглого. Ходит она по Ильмен-горе... и плачет. И первые слезы ее были прозрачные, будто вода озерная... Позже люди нашли эти слезы, и первые слезы прозвали аквамаринами, а вторые — сапфирами». — Тайные сказы рабочих Урала. Сост. Е. Блинова. М., 1941, с. 73. О превращении слез в жемчуг и алмазы см.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах. М., 1958, т. 3, с. 75, 352. В башкирском предании говорится, что когда погиб Салават Юлаев, люди уходили в горы оплакивать его, и слезы превращались в горный хрусталь. — Сказы, песни, частушки. Под ред. Е. Блиновой. Челябинск, 1937, с. 137. В русских преданиях девушка, залюбленная в гору, плачет и ее слезы превращаются в хрусталь. — *Немирович-Данченко В. И.* Кама и Урал. Очерки и впечатления. Спб., 1904, с. 288.

пытки Ваньки добыть изумруды. В первый раз Малахитница его просто отпугнула: Сочень увидел в выбоине два зеленых камня, но только потянулся к ним, «а от туда как пыщнет — с Ванькой от страха пеладно стало. Глядит — из забоя кошка выскочила... Ванька дай-ко от этой кошки бежать». Второй раз настырный Ванька обеспечил себе тылы: сходил к заводской ведунье бабке Колесишке, которая за немалые деньги всучила ему волчий хвост и кусочек медвежьего сала как обереги.

Ванька и его непутевая жена выглядят как неумные люди, уверенные в силе колдовства, заговоров, ведь бабка Колесишка «родильниц в бане парила, случалось, девий грех хоронила — это ее дело, — «а что старуха понимает в земельном богатстве?» Поэтому ее встреча с глупым Ванькой выглядит комически. Рассказчик откровенно народически передает заговор, произносимый Колесишкой: «Дыр-гыр-быр. Змея кошки боится, кошка собаки боится, волк медведя боится. Дыр-гыр-быр! Чур меня! Рассынься!» — Ну и протчу ведунью дурость, а Ванька думает: «Ишь какая мудреная бабка». Когда Ванька, отдав деньги, уходил, бабка Колесишка сказала то, в чем уже был убежден читатель: «Старушонке люблю: дурака бог дал». Дурак! Вот слово, которое сразу определяет натуру главного героя, и теперь уже весь сказ воспринимается как повествование о дураке, который, как известно, всегда в конце концов бывает битым. И действительно, второй раз «сама» еще раз отпугнула его тремя безглазыми кошками, а когда он в третий раз, запасшись кинарисовым крестиком, появился у Красногорки, Малахитница дала камней и приказала нести приказчику: «Сразу неси все приказчику. Он тебя и наградит из своих рук. Потом из казны добавит. На всю жизнь будешь доволен». Эти камни превратились в доме барина в смрадную пыль — вышел большой конфуз, и Ванька получил обещанную Хозяйкой награду из рук приказчика: «Получай тогда», — заревел приказчик да как двинет Сочня по зубам — чуть он угол башкой не прошиб. — «Это, — кричит, — тебе задаток. Награду на пожарной получишь. До веку ее не забудешь». И верно. На другой день отсыпали Сочню столько, что

на своих ногах донести не смог — на рогоже в лазарет стащили»⁶⁹.

Дурак стал набитым дураком. Любопытно, что в этом сказе все кончается, как в пародных сказках: Сочня избили. Однако в цикле о Левонтии, в сказе «Змеиный след», говорится о дальнейшей печальной судьбе Ваньки Сочня: «Хозяйка Медной горы уж сама его потом так наградила, что вскорости он и ноги протянул».

* * *

Предпринятое рассмотрение цикла сказов о Хозяйке дает основание характеризовать ее как владелицу земных богатств, хранительницу тайн прекрасного и секретов высокого мастерства. В то же время ее владения лишены жизни, в них многое напоминает мертвое царство. Малахитница может быть игриво-веселой, она ищет жениха, но счастье для нее невозможно, как невозможна безбедная жизнь для человека, вступившего в контакт с ней. Она может быть неотразимо красивой девушкой, но и обычной старухой или уродливым существом, «поганью» с телом ящерицы и головой человека; она — оборотень с ухватками деревенской колдуньи: уместно вспомнить, как она оглаживала Татьяну, производила типично знахарские пассы.

Малахитница занимается только рудокопами да

⁶⁹ Среди беллетристических произведений, созданных на фольклорной основе, иногда встречаются пересказы преданий о Хозяйке. В них Хозяйка, как и в сказе «Сочневы камешки», выполняет функцию хранительницы природных богатств, но иногда она раздает богатства. Так, В. К. Малахов слышал от одного старика о находке жемчужины на пашне. «Старик (его звали Рим Явдательевич) считает, что здесь не обошлось без Хозяйки. Слово «Хозяйка» старик произносил с почтением... он рассказывал о разных случаях вмешательства Хозяйки в жизнь удалых и бойких людей. Одному из них она подбросила самородок золота, другого навела на драгоценные камни, а ему вот «выдала» жемчуг». — *Малахов В. К. Новеллы о камне. — Уральский следопыт, 1959, № 8, с. 64.* Старый горщик Е. Т. Плохих рассказывал, что им однажды попало гнездо великолепных топазов, нетронутых солнцем. Они решили разделить добычу в селе, а на почь сложили все в клеть и «ключ для надежности становому отдали. А наутро там ни одного камушка! Полчистый! Верьте не верьте, а сам видел. Может, становой их украл, а может, за жадность вышло наказание горщикам от Хозяйки Медной горы. Поверье сильно тогда коренилось: долго работаешь — обязательно ценности найдешь, а пожадничаеть — сила камня теряется, либо он совсем пропадет.» — *Егармин В.* В краю самоцветов. — *Уральский следопыт, 1959, № 10, с. 74.*

камперезами и не касается чужих владений, ей, например, нет дела до углежогов, медеплавильщиков. Очень соблазнительно назвать Хозяйку помощницей рабочих. Между тем по сказам видно, что она помогает лишь тем рабочим, кто ей нужен, — холостым парням, но и в этом случае последствия ее помощи печальны. Еще более соблазнительно сказать, что Хозяйка не только помогает труженикам, но и сурово наказывает барских прислужников. Она их действительно наказывает, но только тогда, когда они не выполняют ее требований или бахвалятся, унижают ее. Так, Душной козел выполнил ее требование и остался жив-здоров, зато ослушники ею сурово наказываются. Она не вмешивается, когда надзиратели избивают рабочих в цехе, в конторе, где-нибудь еще — ей нет до этого дела. Но в своих владениях (шахтах) она сама властвует над рабочими и не терпит, когда надзиратели или приказчики открыто проявляют свою власть. Северьян бил людей прямо в шахте, Хозяйка его дважды предупредила, а на третий раз наказала. Мера жестокости ее наказания зависит от меры человечности виноватого. Если живодер Северьян был превращен в пустую породу, то его слуги, «которые хуже всех были, те все мертвые, а кои хоть маленько стыд имели, те только изувечены». Пока Ванька Сочень был просто «нюхалкой-наушником», Хозяйка его не трогала, а когда он с помощью бабки Колесишки и священника (а все, связанное с церковью, ненавистно Малахитнице) решил взять богатство на Красногорке, она подвела его под плети. Иными словами, социальное зло наказуется только тогда, когда оно одновременно задевает и рабочих, и Хозяйку, а если оно касается лишь рабочих, Хозяйка остается безразличной, пассивной.

В целом можно сказать, что в Хозяйке сосуществуют, составляя ее сущность, доброе и злое, живое и мертвое, возвышенно-прекрасное и низменно-отвратительное, т. е. Малахитница — это типично амбивалентный образ. И наше толкование сути образа Малахитницы способствует более глубокому раскрытию идейно-художественного смысла бажовских сказов и пониманию Бажова как писателя, помогающего своими сказами восстановить процесс формирования самосознания русских рабочих.

В рассмотренном цикле сталкиваются три силы: кол-

лектив рабочих, хозяева (сюда же примыкают те, кто опустился до положения хозяйских лакеев) и стихийная сила, персонифицированная в образе Хозяйки. В основе этих сил обнаруживается заданность, фольклорная по своей природе и связанная с социально-поэтическими воззрениями уральских рабочих XVIII—XIX веков.

Так, поведение Малахитницы ограничено рамками фольклорной поэтики. Фольклорная субстанция образа Хозяйки остается или незамутненной литературными привнесениями, или — чаще — деформируется ими в пределах, допускаемых народнопоэтической традицией. Можно сказать еще так: Малахитница существует в бажовских сказах по обычным или редуцированным законам фольклорного искусства.

Заданность ощутима и в характеристике хозяев. Известно, что «народ или любит или ненавидит, средних чувств в его поэзии не бывает» (В. Я. Пропп). Это легко ощущается и в сказах Бажова, в которых хозяева, хотя и имеют характеристическую амплитуду, все-таки рисуются в одном плане: они, как типичные фольклорные антагонисты, обладают только отрицательными свойствами. Можно напомнить, что в других случаях (письмах, рецензиях, беседах) Бажов характеризовал уральских промышленников иначе, например, он отмечал подвижность, талантливость и ряд других достойных свойств первых Демидовых, но в сказах ничего подобного нет ни о Турчаниновых, ни о Соломирских. Писатель, будучи органически связанным с фольклором, и здесь не выходит за рамки однозначности в народнопоэтической традиции.

С этой же позиции изображаются рабочие. Поскольку они находятся во власти хозяев и «тайной силы», то в столкновениях с хозяевами их действиями управляют преимущественно нормы народной этики, а в контактах с Малахитницей на эти нормы накладываются еще и регламентации фольклорной поэтики.

При создании сказов Бажов использовал фольклорные поэтические закономерности, бережно редуцируя их. Для этого он применял различные литературные приемы: вводил многочисленные и многообразные мотивировки, описывал события в предположительной форме или через совпадения фольклорных символов, или в виде слухов, толков, наговоров, пьяной болтовни,

или слегка пародировал действия «тайной силы», а также некоторые фольклорные жанры (заговоры, приметы), или вел повествование на грани реально-фантастического, смешного-серьезного, или давал двойное прочтение эпизода, или отдавал второстепенному, часто безымянному персонажу существенную роль в развитии сюжетного действия, или заставлял рассказчика умолкать в самом ответственном месте и ссылаться на плохую память, путанность всеобщей молвы и тому подобное.

П. П. БАЖОВ — НОСИТЕЛЬ РАБОЧЕГО ФОЛЬКЛОРА

Литераторы, с которыми Бажов проработал не один год, пишут, что он постоянно подчеркивал свою полную зависимость от фольклора, долгое время называл себя сказочником, фольклористом, но не писателем. Л. Скорино вспоминает, что в 1943 году в Перми на конференции после ее доклада, в котором она доказывала принадлежность Бажова к большой литературе, было выступление самого Бажова, заявившего в очередной раз, что он лишь передает своими сказами художественные ценности, созданные рабочими. И как только Бажов покинул трибуну, недоумевающие слушатели, скандируя имя писателя, потребовали его на сцену, а председательствующий на конференции С. С. Мокульский спросил Бажова: «Ответьте нам прямо: вы — фольклор или литература?» ...Воцарилась тишина, все ждут. — «Литература», — говорит Бажов. Зал взрывается веселыми восклицаниями»⁷⁰. Далее Л. Скорино передает свой разговор с писателем в перерыве между заседаниями. Ответ Бажова выдержан в шутливом тоне, но его стоит привести: «Сложное явление, а надо все же его определить. Мне самому интересно, если хотите знать... Но это не ваше «туфу» (творчество плюс фольклор), — поддразнивал меня Бажов, — туф, как известно, материал ненадежный. Но и на «фуфу» (фольклор и только фольклор) опираться нельзя. А вот «фут» (фольклор плюс творчество), пожалуй, ко мне подойдет»⁷¹.

⁷⁰ Скорино Л. На Урале, в дни войны. — В сб.: Мастер, мудрец, сказочник, с. 427.

⁷¹ Там же, с. 428.

Примерно то же самое он говорил не публично, а в доверительной беседе. «Сорок третий год. Вечер. Засиделись в издательстве. В комнате постепенно стемнело. Сидим, не зажигая огня, разговариваем о «Малахитовой шкатулке». — «Вот что скажу, — начал Павел Петрович таким тоном, будто собирался сделать признание, — я не писатель, я фольклорист». Это было не ново. Павел Петрович не раз делал такие признания, которые говорили прежде всего о его скромности»⁷². Легко представить откровенный разговор двух писателей, расположенных друг к другу. И навряд ли Бажов был в такой обстановке неискренним, демонстрировал свою скромность. К. Мурзиди продолжает: «Все понимали, что Бажов ошибался в оценке своей работы и не соглашались с ним. С годами Павел Петрович реже заговаривал о том, что он — прежде всего собиратель фольклора»⁷³. В других воспоминаниях можно встретить такие же наблюдения насчет скромности Бажова и его боязни открыто назвать себя настоящим писателем: «... то, что я пишу — это простейший вид литературы»⁷⁴.

Думается, не из-за обычной скромности Бажов долгое время называл себя сказочником, фольклористом, собирателем фольклора. Он сам для себя, очевидно, пытался объяснить и успех сказов, и глубинные творческие закономерности, и непохожесть своей писательской индивидуальности. Он брал какую-то «сюжетную завязь», тщательно обдумывал сюжет, композицию и т. д., а когда сказ бывал готов, оказывалось, что он как бы фольклорный, и по структуре, расстановке персонажей, стилю — он напоминал читателям и самому писателю те устные повествования, которые приходилось слышать в детстве, отрочестве у караулки на Думной горе. Как никто другой, Бажов знал, что он сочиняет, создает свои произведения, а не «восстанавливает по памяти» когда-то слышанное, он работает по-писательски, а из-под его пера выходят сказы, весьма похожие на фольклорные. Как это объяснить?

Сам писатель затруднялся сделать это. Рецензенты и критики объясняли неудовлетворительно. Лишь од-

⁷² Мурзиди К. Первые слова. — В сб.: Мастер, мудрец, сказочник, с. 216—217.

⁷³ Там же, с. 217.

⁷⁴ Рождественская К. В. Воспоминания о Бажове, с. 210.

пажды в рецензии мелькнула очень точная мысль, выказанная А. Ладейщиковым: «Немногим дано это счастье — понимать и чувствовать законы вкуса и художественной меры, лежащие в основе произведений народного творчества, — Бажову это дано. Его поэтика, стиль — на уровне народной поэтики, и это — высшая похвала, которая может быть дана литературному мастерству»⁷⁵.

К сожалению, наблюдение А. Ладейщикова оказалось случайным, он не смог его в дальнейшем развить. Через год, в октябре 1944 года, на очередном «четверге» в Свердловском отделении Союза писателей был заслушан доклад А. Ладейщикова «Бажов и его отношение к сказам», который оказался «неопределенным по своим выводам, поэтому прения прошли очень сумбурно. ... Споры по этому поводу продолжались и на следующий день среди писателей, — пишет К. Рождественская, — Павел Петрович, слушая добродушно, посмеивался... Когда наговорились, он сказал: «Вот сейчас уже определилось три точки зрения: Скорино считает, что я выдумщик, Рождественская Наталья Ивановна рассматривает как фольклор, и Андрей Степанович Ладейщиков — средняя позиция, самая гиблая. И вот тут надо что-то сказать, а я не знаю». ...Этот разговор по существу не внес ясности...»⁷⁶.

По воспоминаниям К. Боголюбова, Н. Поповой, Л. Татьяничевой, Е. Пермяка, О. Марковой, К. Мурзиди, Б. Рябинина и других уральских писателей и поэтов, составлявших литературное окружение Бажова, видно, что все они глубоко уважали его, считали настоящим писателем, а с другой стороны, создается впечатление, что в их среде фольклор и литература воспринимались и оценивались как «хуже» и «лучше», нижняя ступенька и верхняя ступенька, старина и современность, фантастика и реальность... «Уходит в прошлое», «Отрыв от современности», «Не созвучен» — все это уже мелькало и мелькает там и сям в статьях и рецензиях, которые и горячо хвалят «Малахитовую шкатулку», но где-то под занавес бросают: «Вот если бы о сегодняшнем дне...»⁷⁷.

⁷⁵ *Ладейщиков А.* Сказы о немцах. Урал. рабочий, 1943, № 243.

⁷⁶ *Рождественская К. В.* Воспоминания о Бажове, с. 208—209.

⁷⁷ *Скорино Л.* На Урале, в дни войны, с. 427.

Такова была литературно-общественная атмосфера, сложившаяся в 1943 году. Литературно-общественное мнение как бы подталкивало писателя к современной тематике, современному рассказчику, и Бажов, уверовав в нужность такого поворота, уже в 1943 году пишет «Круговой фонарь», а дальше пошли «Васина гора», «Аметистовое дело», «Медная доля»... И чем больше он прислушивался к мнению советчиков и уходил от историко-фольклорной тематики, тем больше нес художественных потерь.

Сила и оригинальность Бажова не в том, что он опирался на рабочий фольклор, а в том, что он его знал. Он уникален своими познаниями в области рабочего фольклора — в советской литературе нет писателя, работавшего или работающего в жанре сказа, который мог бы встать рядом с ним, хотя бажовских последователей много: М. Кочнев, Б. Шергин, И. Ермаков, С. Власова, С. Черепанов, недавно появившийся Ю. Гребеньков... Бажов видел и писал о том, что было скрыто от других, а такую способность опять-таки обеспечивало «исконное» знание рабочего фольклора. Он был настоящий самородок, хотя нужно заметить, что про многих литераторов так говорят. В массе работ пишут: народный самородок, народный поэт, глубокий знаток фольклора и т. п., чтобы выразить близость какого-нибудь литератора к народному творчеству. Но достигается ли этим конкретность, выделяется ли субстанциональное качество художественного потенциала данного писателя? Нет, конечно. И, очевидно, есть необходимость ввести или, точнее сказать, придать терминологический смысл выражению «носитель фольклора», чтобы этот термин выражал атрибутивное свойство творческой личности.

Ведь нет литераторов, совершенно лишенных связи с национальным народным искусством, которое прямо или опосредованно не влияло бы на их творчество, — они составляют одну группу, очень многочисленную. А вторую группу, легко обозримую в каждой национальной литературе, образуют носители фольклора.

Подлинный носитель фольклора — это человек, который усвоил из устной традиции не только широкий круг сюжетов, жанровую специфику, основные идеи, проблемы родного фольклора, «технику» создания фоль-

кзорных произведений, но и весь комплекс традиционных национальных воззрений, сущность социального мироощущения, строй образного народного мышления, закономерности которого пронизывают его (носителя) видение мира. В отличие от других литераторов, писатель — носитель фольклора — не просто держит в памяти усвоенную народнопоэтическую информацию и передает ее с большей или меньшей степенью самостоятельности, но всегда художественно воссоздает ее; духовная деятельность носителя фольклора — и мыслительная, и интуитивная, и эмоциональная — способна протекать в фольклорных жанровых формах.

Бажов был подлинным носителем рабочего фольклора. Он усвоил с детства сюжетный состав фольклора, бытовавшего в рабочей среде, весь сложный и противоречивый комплекс воззрений этой среды, нормативную фольклорную поэтику, закономерности которой стали одним из организующих начал образного мышления писателя.

В сказах Бажова можно встретить исторические, семейно-родовые топонимические предания или их фрагменты, всевозможные афористические речения, в том числе коллективные прозвища, представляющие, по мысли писателя, своеобразный социальный знак, а также народные гадания, различные приметы («Голубая змейка», «Тяжелая витушка», «Круговой фонарь»), мотивы свадебной обрядности, быличек («Старых гор подаренье», «Надпись на камне»), в пародической трансформации народные заговоры («Травяная западенка», «Сочневы камешки»), весьма многочисленные пословицы, поговорки, побаски, устные рассказы-воспоминания, легенды... Правда, в сказах нет частушек, редко встречаются песни («Не та цапля»), но Бажов эти жанры знал, о чем свидетельствует его публикация в известном сборнике В. П. Бирюкова «Дореволюционный фольклор на Урале» девяти песен, бытовавших в среде сысертских рабочих.

Бажов был кровно связан с Уралом, рабочим классом, его искусством, его можно соотнести с охарактеризованным им самим институтом заводских стариков, включающим знатоков устной народной истории, вообще хранителей народознания, блюстителей нравствен-

ных правил, норм, предписаний, завещанных предками.

Разумеется, Бажов был знаком с историей по фундаментальным, редким, архивным печатно-рукописным источникам — это его отличает от заводских стариков, знатоков местной и «общерусской» истории, однако есть и то, что роднит, сближает их — это принципиальное доверие к народной истории, существующей в форме преданий. «Стариковский взгляд» на историю, по Бажову, — как бы особый взгляд опытного, много видевшего и слышавшего человека, и такой взгляд не только может, но и должен корректировать письменно зафиксированные исторические факты. Поэтому Бажов мог, выступая даже перед профессиональными историками, сказать, что ему хочется привлечь внимание к вопросам, «которые, на взгляд городских стариков моего типа, кажутся неправильно, недостаточно или вовсе неосвещенными в работах по истории» (с. 89). Самое ценное, что «взгляд городских стариков» бажовского типа оказывался удивительно острым, точным, особенно там, где речь шла о роли народных масс, рабочего класса, о приоритете русских мастеров, о развитии производства на горнозаводском Урале.

Разумеется, объем, структура исторических знаний Бажова ни в какое сравнение не идут с исторической информацией самого одаренного представителя института заводских стариков, но все-таки позиция Бажова, его угол зрения на историческое прошлое, его ориентиры в мире социальных измерений часто совпадают с позицией заводских стариков, с народным взглядом и приносят подлинную народность в его сказы. Мы уже писали об убедительных наблюдениях Р. Гельгардта на этот счет, сейчас добавим одно: «Подобно ...носителям фольклора, которые поэтически осмысливают прошлые события, Бажов нередко представлял исторически возможное, правдоподобное, вероятное как действительно бывшее»⁷⁸, если речь шла, конечно, об исторической миссии трудовых масс.

Бажов понимал труд, производственную деятельность как жизненную первооснову, как силу, закладывающую

⁷⁸ Гельгардт Р. Р. Об исторических мотивах в сказах П. Бажова, с. 171.

и формирующую все морально-этические, эстетические представления и нормы. Отсюда и его углубленное внимание к многочисленным рабочим профессиям, их возникновению, становлению, их поэтике, к секретам мастерства, отсюда его интерес к жизни рабочей семьи, трудовой династии. Семья — это школа нравственного и трудового воспитания, здесь в первую очередь сохраняются и приумножаются народные знания, культурно-исторические, художественные ценности и традиции. Отсюда многие сказы, освещающие историю открытия месторождения, развития ремесла, поиски законов красоты, постижение тонкостей профессий и т. п., непосредственно связаны с изображением семейной жизни или образования семьи, династии. Все ведь передавалось от поколения к поколению, как выразился один рассказчик, «глухонемых в роду не было... одни рассказывали, другие слушали, а потом сами рассказывали» (т. 2, с. 96).

Поиски залежей малахита в «Травяной западенке» — это случай из жизни одной династии; открытие асбеста в сказе «Шелковая горка» — рассказ о любви Юрка Шмелька и Марфуши Зубомойки, положивших начало династии невянцев Шмелевых; мучительные поиски Данилой гармонии красоты в камнерезном деле — это одновременно борьба за любовь, за будущее семейное согласие и показательное, что Данила в конце концов отказывается от тайны каменного цветка ради брачного союза с Катериной; в «Золотых дайках» передается история открытия золота на Урале через долгий горестный путь Глафиры к встрече с Перфилом. «Прожили свой век по-хорошему. Не всегда, конечно, досыта хлеба, да остуды меж собой не знали, а это в семейном деле дороже всего. Ребят Глафира навела целую рошу! Парней хоть всех в Преображенский полк записывай. И девки не отстали. Рослые да здоровые, а красотой в мать... Как до бабкиных годов Глафира достукалась, так внучатам и счет потеряла. Это Перфилово да Глафирино поколение не один дом тут поставило. Заявку, можно сказать, нашему заводу сделало» (т. 1, с. 253). Писатель словно любит семейным благополучием героев, а переход от отдельной семьи через династию к заводскому поселку, где многие семьи кровно связаны, очень показателен для Бажова, ощущавшего историче-

скую связь семьи с производственной деятельностью коллектива.

В бажовских сказках иногда действуют дети-сироты. Эти персонажи типичны в первую очередь для фольклорных сказок, в которых «во всей наивной простоте и ясности обнаруживают себя социальные симпатии народа. О беззащитной сироте... ее горе говорится всегда с чувством жалости и участия... Этот идейно-эмоциональный тон в сказочное повествование привносится социальными отношениями неравенства и угнетения. Сказка защищает сироту, сулит ей счастье и зло казнит ее притеснителей»⁷⁹. Сироте всегда помогают чудесные силы, генетически восходящие к семейным духам-покровителям.

Бажов не воссоздает в реальном виде структуру сказочного сюжета, однако отдельные сюжетные ситуации или типы поведения персонажей народных сказок о невинно гонимых сиротках у него отчетливо прослеживаются. Как и фольклорные сиротки, дети-сироты бажовских сказов непременно умны, терпеливы, трудолюбивы, за что всегда вознаграждаются.

Данилка Недокормыш из «Каменного цветка», круглый сирота, оказался на редкость одаренным камерером с природным чувством прекрасного; именно ему бабка Вихориха поведала о трех «неоткрытых» цветках: колдовском, воровском и каменном. В сказе «Жабреев ходок» Дениска Сирота один из всех жителей Косого Брода устоял против соблазна пожить чужим, чем сначала взбесил Жабрея, а потом вызвал его желание открыть тайну золотых лапотков. Причем Дениска, как и положено фольклорному сиротке, сначала бедствовал, «милостинку собирал», потом в «песковозах ходил», ел свой хлеб и всегда помнил слова матери (например, когда Жабрей отправлял его в кабак, он ответил: «Мне мамонька перед смертью наказывала: «До полной бороды в рот капли вина не бери, а дальше, как знаешь»).

В сказе «Змеиный след» Полоз помогает мальчикам Костьке и Пантелею, когда у них умер отец. В «Серебряном копытце» лишь сиротке Даренке вместе с дедом Кокованей досталось полшапки драгоценных камней от

⁷⁹ Аникин В. П. Русская народная сказка. М., 1959, с. 159.

козла. Огневушка-Поскакушка из одноименного сказа появлялась перед многими людьми, но в конце концов лишь Федюньке-сироте указала место, где надо мыть золото, и мальчик с дедом Ефимом «годов с пяток в достатке прожили». Правда, у Федюньки есть отец, но мальчик все-таки напоминает гонимого сиротку: когда мать умерла, отец на второй женился, и, конечно, «мачеха попалась, прямо сказать, медведица». Сравнение мачехи с медведицей типично фольклорное, почти по пословице: «Из дому гонит мачеха, а из лесу — медведь»⁸⁰. И Федюньку после прихода мачехи «вовсе от дома отшибло», он живет с дедкой Ефимом на прииске, даже на воскресенье остается там.

О мачехе у героев сказов только негативное мнение. К примеру, Ганя вынужден брать с собой в шахту свою маленькую дочку, потому что жена умерла и девочку не с кем оставлять дома. Можно было бы второй раз жениться, но Ганя не решается. Глядя на дочку, он размышляет: «Вот она у меня какая забавуха растет, а мачеха придет — все веселье погасит», т. е. Ганя думает как сказочный герой, для которого мачеха — всегда только злая и ненавидящая надчерицу. А сирота в сказках всегда добрая, и Бажов тоже немногословен на этот счет. Про Настасью, невесту-бесприданницу Степана, в сказе «Медной горы Хозяйка» сказано очень точно и коротко: «У него невеста была. Хорошая девушка, сиротка одна».

В народных сказках у сироток один путь избавиться от семейной тираннии — выйти замуж. И всегда у сказочных сироток счастливый брак, радостная семейная жизнь. Бажовские сиротки тоже все выходят замуж, после чего как бы срабатывает инерция повествования: в финальных строчках Бажов сообщает, что прожили они долгую жизнь, дождалась внуков или даже правнуков. До внуков дожила Таятка из «Таяткиного зеркальца», Настасья из «Медной горы Хозяйка», Марфуша Зубомойка из «Шелковой горки», Устя Соловьешна из «Травяной западенки», Васенка-Феня из сказа «Ключ земли». Про Васенку сказано, что она — «самой горькой жизни девчонка, хуже круглой сироты»: родилась и вы-

⁸⁰ Русские пословицы и поговорки. Сост. А. М. Жигулев. М., 1969, с. 168.

росла на руднике, отца не знала, мать — кухарка при щегарях, ее заставили работать, когда она еще вожжи не могла удержать... Когда она убежала с рудника, ее приютили хорошие люди и стали звать именем своей недавно умершей дочери — Феней. На этом можно было бы завершить сказ, но родители-то не родные, все-таки отчим и мачеха, поэтому следует обязательная сказочная женитьба и счастливая долгая жизнь: «Как в полный возраст Васенка вошла, так в этой же деревне и замуж за хорошего парня вышла. С ним и до старости прожила, детей и внуков вырастила». В общем, типично сказочный финал, только стилистически оформленный не по-сказочному.

Бажовские герои часто ведут себя согласно сказочным законам, выработанным народнопоэтической традицией. Одним из таких законов является закон «сказано — сделано». К примеру, литературный персонаж может пообещать что-либо сделать, но в силу эмоционально-психологических, материальных, ситуативных и прочих причин не выполнит обещанного. И это — норма. Со сказочным или былинным персонажем подобного произойти не может.

Сказочный герой, пишет Д. Н. Медриш, поступает так, как говорит, и, наоборот, говорит так, как поступает, причем говорить, предвидя действие героя, могут и другие персонажи, и формы высказывания могут быть различные, но «слово» непременно предваряет действие — это принцип «единства сказанного и сделанного». Среди сказочных общих мест есть клише, указывающие на эту закономерность: «сказано — сделано», «что будет сказано — то будет сделано»⁸¹.

Приглядываясь к поведению фантастических персонажей сказов, мы обнаруживаем, что их действия регламентированы именно этим законом сказочной поэтики. Если Малахитница, Полоз, Огневушка-Поскакушка и другие фантастические существа что-либо обещают, то можно не сомневаться, что сказано было не зря. Поэтому фантастические персонажи появляются в самых от-

⁸¹ *Медриш Д. Н.* Прямая речь в структуре повествования волшебной сказки. — В сб.: Вопросы русской и зарубежной литературы. Волгоград, 1970, с. 136, 138. *Он же.* Слово и событие в русской волшебной сказке. — В кн.: Русский фольклор. Проблемы художественной формы. Л., 1974, т. 14, с. 121.

ветственных местах повествования и, как правило, на короткое время. Они не терпят суесловия и сами немногословны, слов на ветер не бросают. Они конкретны и деловиты: у них все сказанное будет сделано.

С другой стороны, действия горняков, камнерезов, углежогов и прочих рабочих также не расходятся со словом, однако в этом случае не столько определяется собственно поведение человека, сколько выявляется его натура. Для рабочего человека сделать сказанное — дело чести, и Бажов любит вводить эпизоды, демонстрирующие это. Рабочий в сказах никогда не нарушает моральных норм трудового коллектива. У рабочего тоже есть освященная традицией линия поведения: достаток должен быть заработан, нельзя быть жадным, лживым, завистливым, услужливым перед заводской администрацией, несправедливым, жестоким... Этими и другими подобными требованиями народной морали руководствуются настоящие рабочие.

Иногда поступки рабочих, особенно если они связаны с фантастическими существами, предваряются высказываниями других персонажей в форме наговоров, неясных слухов, маловероятных толков. И еще один случай: иногда действие героя предваряет слово, сказанное про себя, — подумал и сделал, что в принципе не отличается от «сказано — сделано».

Напомним, что сказочный герой достигает всего, используя не силу, а знание. Он потому и герой, что, в отличие от других, точно знает, где и что сказать, чтобы добиться успеха. Например, подойдя к избушке бабы Яги, сказочный герой говорит, чтобы избушка повернулась «к лесу задом», а к нему — «передом»; в самой избушке герой знает, что потребовать: «напой, накорми, в баню своди», и Яга сразу смиряется, начинает услуживать ему. Герой показал свое знание, показал, кто он. Это знание — тайна, неизвестная никому; с каждым новым действием она постепенно перестает быть таковой и исчезает, как только завершается встреча героя со своим врагом. В. Я. Пропп писал, что после встречи героя с антагонистом герой приобретает новое качество: его знание перешло в дело, из человека слова он превратился в человека дела.

Именно такой принцип поведения лежит в основе по-

ступков Дениса в «Жабреевом ходке». Рассказчик ничего не сообщает о конкретных знаниях Дениса насчет «мурашиной» тропы и каменных губ. Однако герой действует, что-то зная (Бажов смягчает: Денис иногда о чем-то будто догадывается, в то же время здесь «подумано — сделано»), и все-таки он получил в подземелье два золотых лапотка. Одним смертельно ударил кунгурского купца, когда-то убившего Жабрея и его жену, а с другим куда-то исчез, как и следует герою сказа, контактировавшему с тайной силой: «сколько ни искали, найти не могли».

Примерно также выглядит поведение Ильи из сказа «Синюшкин колодец». Он схоронил всех родных. Последней умерла бабка Лукерья. Умирая, она оставила решето перьев и наказала не думать про деньги да богатство — «хуже их нету», от них «одно расстройство да маята напрасная». Здесь типичный запрет, который сказочный герой всегда нарушает, что и влечет за собой развитие повествования. Илья запрет тоже нарушил, правда, он действовал, руководствуясь мнением бабки, которая сказала, что есть еще «земельное богатство» и его можно получить из рук самой Синюшки. Об этом богатстве бабка точно ничего не могла сказать, она передала лишь то, что другие «сказывают».

При встрече с Синюшкой герой показывает свою выдержку, смекалку, бескорыстность и получает от нее решето золотых самородков и самоцветов. Илья откупился от барина, на волю вышел, дом хороший себе справил, лошадь завел, но лишился сна и покоя: никак не мог забыть Синюшки, явившейся ему в облике молодой красивой девушки. Измученный Илья решает утопиться в Синюшкином колодце. Он отправляется к Зюзелке и встречает в лесу девушку, похожую как две капли воды на ту, в облике которой явилась Синюшка. Далее Бажов пишет: «С этой девчонкой Илюха свою долю нашел, только ненадолго. Она из мраморских была... а у мраморских — чахотка. Илюха и сам долго не зажился. Наглотался, может, от этой да и от той нездоровья». Сказ заканчивается печально. Молодой парень, умный, работающий, гибнет после общения с Синюшкой, хотя Бажов через чахоточную девушку из Мраморского смягчает категоричность такого вывода.

Повествование строится по поэтическим законам сказки. Илья, возвращаясь на прииск, решил: «Пойду-ко я через Зюзельско болото...» Сказано — сделано. Пошел Илья лесом напрямую... Шел-шел, видит — на поляне окошко круглое, а в нем вода...». Так он добрался до Синюшкиного колодца. После первой встречи последовала вторая, причем Илья заранее предупредил об этом: «Как в воскресный день ветер хороший случится, так и жди в гости». Выполнив сказанное, Илья в третий раз пришел в месячную ночь, как об этом просила Синюшка. При последней встрече Илья показывает, что он знает, как заставить Синюшку поделиться богатством: она должна подать его своими руками. «Вишь ты, привередник какой! Еще ему поднеси! Ну, будь по-твоему», — ворчит бабка.

А Кузька Двоерылко погиб не только из-за жадности — он ведь не знал того, что знал Илья. Кроме того, помощь мертвой бабки Лукерьи передается через оставленные ею три перышка и решето, которые оказываются чудесными предметами и приносят герою успех. Отметим также, что третья встреча с Синюшкой построена по закону сказочной симметрии: она трижды, даже как бы четырежды, появлялась перед Ильей — сначала в виде старушонки, затем как девица-красавица ростом «до половины доброй сосны» с золотым подносом, потом как красавица, наряженная «по-купецки, с серебряным подносом и, наконец, как неотразимо красивая земная девушка: «глаза — звездой, брови — дугой, губы — малина».

По связи бажовских сказов со сказкой есть ряд интересных наблюдений у К. Рождественской. В частности, она обратила внимание на то, что концовки сказов «Приказчиковы подошвы», «Сочневы камешки» явно заострены наподобие народных антибарских анекдотов. Она провела также сравнение сказов со сказками «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что», «Приключения Стрельца, или Три диковинных купца», с другими сказками известного сборника А. Н. Афанасьева и пришла к выводу, что в сказах очевидно слияние реального со сказочным, что «отрицательные персонажи, выступая в сказочном освещении, как бы и сами приобретают некоторые сказочные черты», и при погружении действия в реально-бытовую обстановку сохраняет

ся в сказках «звучание волшебной сказки»⁸². А у некоторых персонажей, например у Яшки Облезлого или Сочня, при всем их различии есть устойчивая данность фольклорного типа набитого дурака, или, скажем мягче, простака бытовых сказок.

Тяжелые условия труда, продолжительный рабочий день, произвол со стороны администрации, физические наказания, низкая оплата труда и т. п. — все это толкало простой люд на путь разбойничества, грабежа, поисков легкой наживы. В исторических источниках содержатся многочисленные факты, свидетельствующие, что в течение XVIII века разбои были обычным явлением общественной жизни. В. Геннин отправился на Урал, в 1722 году с охраной от «воровских людей» и жаловался на недостаток рабочей силы, ибо: «...бежало много ныне на воровство на Волгу»⁸³. По «молве и старинным архивам», в 1756 году разбойники штурмовали Строгановский монастырь в с. Пыскоре, пытаясь захватить хранившиеся там богатства; в 1773 году был разграблен Юговский завод; в 1788 году «воры» ограбили в устье реки Курьи богатых пермских чиновников; в 1771 году атаман Золотой, пройдя в верховья Чусовой, «овладел Васильево-Шайтанским заводом, захватил заводовладельца Ширяева, ограбил его и казнил на глазах всего населения»⁸⁴.

Предания о разбойничестве, этой своеобразной форме протеста против феодально-крепостнических порядков, бытовали даже в конце XIX века, удивляя некоторых монархически настроенных историков. Так, И. В. Вологдин с удивлением писал, что имена «разбойничьих атаманов, когда-то свирепствовавших по берегам Камы и Волги, до сих пор (1880 год. — В. Б.) со-

⁸² *Рождественская К. П.* Бажов и народное творчество. — Степные огни. Оренбург, 1948, № 6, с. 207—219. См. также о связи «озорных плутовских» сказок «Хрустальный лак», «Тараканье мыло», «Алмазная спичка», «Веселухин ложок» с народной сатирой: *Скорина Л. И.* Павел Петрович Бажов, с. 222—238.

⁸³ *Де Геннин В.* Описание уральских и сибирских заводов. М., 1937, с. 31. См.: также: *Туманский Ф.* Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полных сведений о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. Спб., 1787, ч. 2, с. 69—71.

⁸⁴ *Весновский В.* Камская вольница. — Кунгурско-Красноуфимский край. Кунгур, 1925, № 8—10, с. 17.

хранились памятью местного населения, меж тем как имена тех лиц, которые не жалели себя, ратовали в старину за общественную безопасность, остаются в забвении»⁸⁵. К началу XX века народная память еще удерживала имена разбойников: Сокола, Петуха, Гурьки, Коршуна, Быкова, Камита, Рыжанко, Семена Бурцева, Герасима Рудакова, Василия Соловьева, рассказывали уральцы об «удальце» Бадьянко, побывавшем в семидесяти тюрьмах, о Щукине, который когда-то «разбивал караваны», и других разбойниках⁸⁶.

Разбойничество, оставаясь действенной формой протеста угнетенных и неимущих в течение XVIII—XIX веков, не давало угаснуть памяти о Ермаке-разбойнике, и в горнозаводских преданиях XIX века Ермак превратился в родоначальника всего русского разбойничества, поэтому все, шедшие по его стопам, часто на Урале назывались ермачками.

В сказе «Ермаковы лебеди» Ермак — в первую очередь борец за справедливость. Его уход на «волю» был вынужденным, он стал вожаком вольных людей, которые вершат наказания: уводят соленосов, убивают приказчика, сжигают его дом, «строгановским караванам проходу не дают...». Ермак в молодости показан как типичный народный мститель. А если брать в целом сказы Бажова, то можно увидеть в них отражение разных форм мести.

Рабочий, отстаивая свое человеческое достоинство, может ударить приказчика, барина и скрыться, как это сделал Митя в сказе «Хрупкая веточка», или может нанести материальный ущерб производству — барской собственности, как это сделал Андрюха Соленый в «Двух ящерках»: «посадил козлов сразу в обе печи». Месть была и более суровой: Денис, герой «Жабреева ходка», убил кунгурского купца за алчность и жестокость, а сам «в Сибирь либо куда в другое место подался». Л. Скоринно справедливо пишет, что гнев Дениса, его ненависть к убийцам Жабрея «перерастают рамки узко личного. Мстя за смерть Жабрея, Денис действует от имени сво-

⁸⁵ Вологдин И. В. Редькин. — Пермские губернские ведомости, 1880, № 23.

⁸⁶ См., например: Весновский В. Камская вольница. — Пермский краеведческий сборник, 1927, вып. 3, с. 67.

его народа, которому этот «знающий по золоту» человек, этот «перводобытчик», был нужен. Но тем самым молодой старатель выступает и на защиту отдельной человеческой личности, утверждает ее общественную ценность»⁸⁷.

Иногда месть была коллективной, например в «Двух ящерах» и «Приказчиковых подошвах» рассказывается, что рабочие «приказчика посадили на горячую болванку» и он «в одночасье помер». Коллективной была и месть иткульцев: они не только расправились с демидовским «подручником»-провокатором, но даже после разгрома пугачевского восстания продолжали группами в пять-десять человек нападать на заводское начальство: «...простой народ и даже торгашей не задевали, а барам да большому заводскому начальству сильно оберегаться приходилось. На дороге поймают — не пощадят, случалось, и по домам тревожили».

В сказах Бажова действуют или упоминаются вольные люди, которые по-разному именуются: беглые, бродяги, пришлые, разбойники. К примеру, герой сказа «Шелковая горка» Юрко Шмель был из «беглых с казенных заводов». Иногда писатель показывает, почему рабочий человек подался в беглые. И всегда это протест. Как в сказе «Марков камень», когда герой, отставив семейную честь, избил похотливую барыню Колтовчиху... В этом сказе Бажов показывает «крепостных рабочих в момент, когда ненависть к барам прорывается в действиях, пусть пока еще стихийных, но в общественном смысле ценных своим воспитательным влиянием на массу. В защиту Марка подымается весь завод, и «господишкам» приходится спешно ретироваться»⁸⁸. Правда, этот взрыв народного негодования был подавлен, а Марк вместе с женой вынужден скрываться в лесу. Потом они «попались в Сибирь, на вольные земли».

Не изображая Пугачевского восстания, Бажов тем не менее связывает с ним выступление рабочих в сказе «Кошачьи уши». Рабочие стихийно сплотились, чтобы расправиться со стражниками, но потом испугались расплаты, и только молодежь во главе с Матвеем ушла в леса. В финале сказа Бажов подробно развернул фольк-

⁸⁷ Скорина Л. И. Павел Петрович Бажов, с. 203.

⁸⁸ Батин М. Павел Бажов, с. 108.

лорный мотив благородного, справедливого разбойника: Дуняха «на соловеньком коньке, а копек такой, что не догонишь», внезапно появляется то на руднике, то на открытой дороге и «какого-нибудь руднишного начальника плеткой уму-разуму учит, как с народом обходиться». Особенно доставалось тем, «кои молоденьких девчонок притесняли». Как и в народных преданиях, такой герой неуязвим, его не берет пуля. Показывая народный протест и его формы, Бажов остается верен исторической правде, отраженной в народной сказочной прозе Урала.

Р. Гельгардт, Л. Скорино, М. Батин, А. Саранцев, К. Рождественская, Р. Гольштейн и другие исследователи обратили внимание на то, что у Бажова есть сказы, как бы «восходящие» к народной сказке, анекдоту, историческому, семейно-родовому или топонимическому преданию, легенде, меморату (рассказу-воспоминанию), поэтому характеризуют «Тяжелую витушку» как сказ-автобиографию, «Серебряное копытце» — как сказку, «Ермаковых лебедей» — как сказ-предание... Действительно, в сказах прослеживается жанровый облик фольклорного первоисточника и можно определить, например, «Золотой волос» как сказ-легенду или сказ-сказку, «Главного вора» — как сказ-предание, «Хрустальный лак» — как сказ-анекдот или сказ-новеллу, «Васину гору» — как сказ-притчу и т. п.

Когда мы говорим, что в сказах прослеживается жанровый облик фольклорного первоисточника, это не значит, что Бажов взял какое-то фольклорное произведение и обработал его, придав ему выразительную форму и отчетливо звучащую идею.

У Бажова нет сказов, восходящих к какому-то одному фольклорному произведению — легенде, сказке, притче, анекдоту... Он, как правило, брал не сказочный, или легендарный, или анекдотический сюжет, но мотив, сюжетную ситуацию, тип героя, фольклорную деталь, фольклорную поэтическую закономерность... В одном бажовском сказе могут входить в сцепление сюжетные мотивы нескольких или даже многих преданий. Верно пишет об этом В. Михнюкевич: «Чаще всего в сюжете бажовского сказа переплетается несколько мотивов, в устной традиции представляющих собой самостоятель-

ные предания («Дорогое мячко», цикл сказов о камнерезах)»⁸⁹.

В одном сказе как «строительный сюжетный материал» Бажовым могли быть использованы типы сказочных традиционных героев, мотивы несказочной прозы, привлечены коллективные прозвища, поверья, приметы, фрагменты других фольклорных жанров, и все это вместе с собственными наблюдениями писателя служило ему основой для создания сюжета. Сам Бажов говорил примерно то же. Например, К. Рождественская пишет: «В беседе со мной зимой 1942 года Бажов говорил ... что в них (сказах о камнерезах. — В. Б.) он использовал не только народное, но и многолетние личные наблюдения над мастерами-камнерезами: «Я видел, — рассказывал он, — старика, с необычайной тонкостью определяющего в куче камней индивидуальную работу того или иного мастера. Наблюдал, как мучительно иногда работает мастер, стремясь выразить то, что он хочет. Эти и многие другие детали о трудности мастерства ввел я в «Каменный цветок», сюжет его придумал сам. Отдельные детали, использованные в сказе «Малахитовая шкатулка», слышал в народе: например, о мастерице-девушке, вызванной в барский дом; о шкатулке, то есть сундучке с драгоценностями, недоступными барам. Все это собрал, разработал сложнее, может быть, острее, в созданном мною сюжете добавил свое. Надо детали прощупать, а там — очень тщательная проработка на деталях», — добавил он»⁹⁰.

Необходимо подчеркнуть слова писателя: «все это собрал, разработал сложнее... в созданном мною сюжете...» — сюжеты всех сказов созданы именно Бажовым, даже те, про которые он сам в 30-е год говорил, что они «записаны по памяти» от В. А. Хмелинина. И создавал их Бажов по законам того или иного фольклорного жанра: сказки, исторического, семейно-родового предания, легенды и т. п., поэтому мы улавливаем жанровую специфику фольклорного первоисточника. Повторим еще раз: Бажов настолько глубоко, органично усвоил поэти-

⁸⁹ Михнюкевич В. А. Истоки жанра литературного сказа (на материале фольклора и литературы Урала). Автореф. канд. дис. М., 1975, с. 15.

⁹⁰ Рождественская К. П. Бажов и народное творчество, с. 208—209.

ческие закономерности фольклорных жанров, что они порой незаметно для писателя проявлялись как организующая сила в процессе написания сказа.

Как подлинный носитель фольклора, Бажов мог вернуть в сказ «сюжетную завязь»⁹¹. Именно из сюжетной завязи возникли такие сказы, как «Таюткино зеркальце», «Веселухин ложок», многие сказы о немцах, «Огневушка-Поскакушка»⁹², «Васина гора», «Широкое плечо», «Не та цапля»... Замысел последнего сказа возник у писателя летом 1949 года. «Прихожу в обком партии, — рассказывал Бажов. — Секретарь обкома говорит мне: «Едем на Уралмаш, посмотрим шагающий экскаватор». Поехали. Рассматриваю части этой машины, ее ноги, длинную стрелу, и сразу возникает образ цапли. А у нас, в Полевском, прежде была

⁹¹ По мнению известного писателя М. Кочнева, работавшего в жанре литературного сказа, основой сказа, стержнем его содержания может стать мысль, спрессованная в песенном поэтическом образе, в мудрой пословице, в поучительной поговорке, в загадке, в народной примете и, наконец, в обычае». М. Кочнев признавался: «Когда я начинал пробовать свои силы в письменном сказе, то, — признаюсь, положила руку на сердце, меньше всего пекся о форме сказа. Ее за ручку приводило само содержание». — *Федь Н.* Зеленая ветвь литературы. Русский литературный сказ. М., 1981, с. 127—128.

⁹² Относительно фольклорной основы этого сказа Бажов говорил: «В «Огневушке-Поскакушке» изображается открытие золота, которое, так сказать, «сидит редькой», т. е. сверху более или менее широкие гнезда, а потом суживаются, сходят на нет. Вот такого сорта рассказы о «золотой редьке» бытовали в народе. Одна из основ этого сказа — как раз разговоры о «золотой редьке». Причем Поскакушинский принск... назван так потому, что через болота скакать падо, — там наскачешься; с одного места начинают разрабатывать — оно кончится, опять надо начинать снова, перескакивать» (с. 111). Подобные мотивы встречаются и в современных преданиях: «Поскакуха у нас речка есть. Там, говорят, необычное золото: местами есть, местами нет. Вот есть золото, жила вроде, а рядом шурф бьют — нет его, потом перепрыгнут дальше, бьют новый шурф — снова золото. Вот и прыгают шурфами, потому и речку Поскакухой назвали». — Записали А. Звягин, О. Климова от К. А. Приваловой в феврале 1981 года в с. Полднейвой Полевского района Свердловской области. «На завалинке слышал про Поскакушку. Девка какая или кто, сказать не могу. Она скачет и золото показывает. Это говорили про нее. Холостой еще когда был, идешь — сидят старики на завалинке, сядешь, прислушаешься. Они судят: кто про хлеб, кто про войну, кто про золото — интересно. И Поскакушку вспомнили. Была такая». — Записали В. Блажес, Т. Галанина от Н. В. Зюзева, 77 лет, в феврале 1981 года в с. Косой Брод Полевского района Свердловской области.

заводская марка — изображение цапли. Вот откуда и пошли мысли о сказе «Не та цапля» (т. 2, с. 346).

Еще раньше Бажов вспомнил песню про цаплю и дал ее В. П. Бирюкову для публикации в его сборнике. Эту песню писатель слышал в детстве в Сысерти. Она рассказывает не только о тяжелом труде подростков, но и их решимости постоять за себя, хотя их готовность к протесту не идет дальше того, чтобы пообещать «намять бока» управителю или выбить стекла в доме заводского надзирателя. Рассказчик сказа вспоминает эту песню, говорит, что во времена его детства «малолетки» по улицам распевали:

«Горько, горько нам, ребята,
Под железной цаплей жить» (т. 2, с. 176).

Приведем полный текст песни подростков-рабочих:

На Сысертском на заводе
Цапля — ставилось клеймо:
Ноги тонки, нос толстенный,
Нам не все ли то равно.
 Пушай ходит по болоту,
 Да лягушечек глотат.
 Только наша, братцы, цапля
 Молодых ребят глохтит.
Как двенадцать лет мальчишке,
Он колодочки надел.
В синю пестрядь обрядился,
На шуровочку поспел.
 Паленьговска плаха — охнешь,
 А получечка легка.
 Поту выпустишь полпуда,
 Не получишь ни черта.
Этак года два проробил,
На урода стал похож.
Ясны глазки призатухли,
А работай, хошь не хошь.
 Горько, горько нам, ребята,
 Под железной цаплей жить.
 И большим немного ходу,
 Не умеют ее сбыть.
Погоди, проклята птичка,
Подшибем тебе пакли,
Нос на сторону своротим,
Расколотим все мозги.
 Ты, подгорна, ты, подгорна,
 Кистени тяжелые.
 Научи избыть подлюгу,
 Мы к тому готовые.

Мы пойдем Сысерть до краю,
Вплоть до царского столба.
Попетану стекла вставим,
Немогутку за бока⁹³.

В сказе «Не та цапля» как бы две части; в первой речь идет о детстве, отрочестве рассказчика, и здесь Бажов использовал целый ряд мотивов из песни про ненавистную цаплю. Так, если в песне поется о двенадцатилетнем мальчишке, который работает на «шуровке», то в сказе десятилетний Кузьма попадает на завод; если в песне цапля символизирует непосильный труд, низкие заработки подростков и т. п., то и в сказе герой страдает из-за цапли: он не сделал «цаплю — барский знак» и поэтому «тоже пришлось в учениках задержаться не на один год» (т. 2, с. 179). Во второй части сказа действие переносится в советское время, рассказчик повествует о шагающем экскаваторе, который ему напомнил цаплю, но «не ту цаплю»: «Наша заводская цапля как нарочно была придумана, чтобы люди зря мытарились, а эта — чтоб человека от кайлы да лопаты освободить, облегченье ему сделать» (т. 2, с. 182).

Несмотря на то, что Бажов смог использовать при написании сказа уральские фольклорные материалы и довольно удачно провести сопоставление прошлого и современного, несмотря на актуальность идейного содержания сказа, все-таки сказ «Не та цапля» несколько прямолинеен, потому что центральному образу недостает емкости, смысловой наполненности. Фольклорный образ цапли по-настоящему не прозвучал, его основа оказалась фактически «не приложима» к советскому времени.

Зато полный успех сопутствовал писателю при создании сказа «Живинка в деле». «Там фольклорное только одно выражение «живинка», причем это у углежогов. Мне об этом случалось слышать, — писал Бажов. — Она, «живинка», представлялась каким-то существом... остальное, конечно, это уже сюжет, это мое» (с. 111 — 112). Писатель добавлял, что выжиг угля — химически

⁹³ Урал в его живом слове. Дореволюционный фольклор. Собрал и составил В. П. Бирюков. Свердловск, 1953, с. 52—53. Паленьговска плаха — метровое полено для пудлинговых печей. Накли — лапы. Царский столб — памятник Александру II. Попетан — заводской надзиратель. Немогутка — прозвище управителя завода.

сложный процесс, во многом не понятный неграмотным людям, поэтому они считали, что здесь действуют фантастические существа — живинка, пустодымка, огневка: прошел выжиг удачно, значит, живинка помогла, а не получился — пустодымка или огневка вмешались.

Бажов изобразил в сказе то же углежжение, самую грязную, низкооплачиваемую работу, и показал, что даже здесь можно достичь подлинных высот мастерства, и тогда труд может стать сродни поэзии. Достиг настоящего мастерства — поймал «живинку» в своем деле. Живинка из некоего мифического существа фольклора уральских углежогов превратилась в точный и значительный образ. «Живинка в деле» — это тот творческий подход к труду, когда интерес к профессии никогда не утрачивается: всю жизнь будешь за «живинкой» гоняться, потому что нет пределов совершенствованию мастерства»⁹⁴.

Демьян Бедный, восторгаясь этим сказом, говорил: «Живинка — вершинка» (т. 2, с. 344). Время показало, что это действительно один из лучших бажовских сказов. Писатель не только воспел мастерство в любом виде трудовой деятельности, но и сам продемонстрировал настоящее писательское мастерство. Отталкиваясь от фольклорного образа, «сюжетной завязи»⁹⁵, Бажов смог создать сюжет, выражающий именно народное понимание профессионализма и высокой поэзии труда. Причем использовал сугубо местный материал, не получивший даже текстуального выражения в сказе.

В дореволюционной газете «Пермские губернские ведомости» за подписью «Северский житель» была опу-

⁹⁴ Батин М. П. Бажов. Жизнь и творчество, с. 233.

⁹⁵ Следует попутно обратить внимание на то, что замечания Бажова о «летучих парах», «расплавленной массе» рабочего фольклора, способных быть сюжетным «ядром», «сюжетной завязью», превращающихся у талантливого рассказчика в сюжетное повествование, весьма напоминают суждения А. Н. Веселовского о мотивах, развивающихся в сюжет. Ученый видел в мотиве не только простейший, составной элемент сюжета, но и считал мотив первоначальным образным обобщением, которое может дать жизнь сюжету. См.: *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. Л., 1940, с. 494—500. То, что дореволюционный ученый открыл при помощи историко-сравнительного изучения обширного фольклорного и литературного материала, не случайно оказалось созвучным наблюдениям советского писателя-носителя фольклора. Очевидно, здесь мы имеем одну из закономерностей словесного искусства.

бликована любопытная статья, имеющая, на наш взгляд, непосредственное отношение к сказу «Живинка в деле»: «На нашем заводе издавна заведен странный, не знаю, на чем основанный порядок частовременно перемещать работы для мастеровых. Например, человек работает сегодня что-нибудь топором, завтра посылают его в железоплавительную фабрику, через месяц или через два в доменную; потом на добычу или на промывку медной руды и т. п. Таким образом, мастеровой в течение своей жизни переделает все и ничему не научится, и выйдет из него, что называется, ни рак ни рыба»⁹⁶. Правда, автор цитируемой статьи характеризует положение только на Северском заводе, но зато по времени это описание и сказовое повествование примерно совпадают (у Бажова: «... все-таки после крепости было»); кроме того, Северский и Полевской заводы вместе с Сысертским, Верхсыертским и Ильинским составляли Сысертский горный округ с одним заводоуправлением, и, надо полагать, характер распределения на работу в Северском заводе не мог принципиально отличаться от других заводов. При избытке рабочей силы в Сысертском горном округе во второй половине XIX века такое распределение людей на работу было выгодно хозяевам, ибо если рабочий «ни рак ни рыба», то его легче эксплуатировать, можно держать на невысокой оплате и т. п.

Тем ценнее выглядит стремление рабочих закрепиться на одном рабочем месте, изучить «до дна» одну профессию, достичь в ней мастерства. Именно такие мысли внушают молодому Тимохе Малоручке старики. Когда он сам решил побывать сначала лесовалом, потом старателем, фабричным рабочим, углежогом, охотником, камнерезом, модельщиком, а к «пожилым годам... шорником на пожарной пристроиться», когда он стал хвастать: «На всяко дерево влезу и за вершинку подержусь», старики пытались его отговорить от пустой затеи,

⁹⁶ Несколько слов о жителях Северского горного завода во время пребывания их в зависимости заводоладельцев, а также и по освобождении их от обязательных отношений к своим господам. — Пермские губернские ведомости, 1863, № 5, часть неофициальная, с. 18. Видимо, не следует думать, что Бажов обязательно был знаком с этой статьей. То, о чем пишет «Северский житель», писатель отлично знал в первую очередь из рассказов стариков.

«хотели его урезонить... только видят — не понимает парень». Тимоха перепробовал несколько профессий и как будто бы «не хуже людей у него выходило», но и не лучше. И хотя он, переходя на новую работу, старался выбрать себе мастера, все-таки настоящим мастером своего дела оказался лишь углежог дед Нефед, который смог показать, что такое «живинка в каждом деле».

Наконец, отметим, что Бажов как носитель фольклора знал: один и тот же сюжет может прозвучать из уст одного и того же рассказчика с различным идейно-нравственным наполнением. В очерке «У старого рудника» он вспоминает детские годы, когда он однажды, «притаившись за углом у заводских магазинов», услышал, как рассказывал В. А. Хмелинин, его любимый дед Слышко, о Малахитнице. И что же? «Сказ о Хозяйке Медной горы превратился в такую грубую похабщину, что мне до слез было обидно... Когда рассказал об этом старику, он спокойно ответил: «Так ведь тут надзиратель сидел. Разве при нем можно по-доброму сказывать» (т. 2, с. 323—324).

Объясняя идейное звучание сказа ситуативными обстоятельствами, Бажов и сам обращался с собственными сказами так же, как фольклорный рассказчик. Он изменял сюжеты, дополнял их, усиливал ту или иную сюжетную линию. Напомним, что он трансформировал концовки сказов «Медной горы Хозяйка», «Горный мастер» и других, не раз — «Кошачьи уши»; когда готовилось юбилейное, 1949 года издание «Малахитовой шкатулки», Бажов дополнил сказы «Чугунная бабушка», «Демидовские кафтаны», «Змеиный след», «Тяжелая витушка» и другие.

Бажов относился и к собственным и особенно к фольклорным сюжетам без щепетильности фольклориста. Все фольклорные жанры для него были формой познания действительности и формой самовыражения, причем формой живой, податливой, способной видоизменяться вплоть до приобретения новой ипостаси, если того требовала художественная идея. Такой формой был для него и цикл. Ведь ради цельности цикла о немцах он переработал сюжеты «Двух ящерок», «Таюткиного зеркальца» и создал новые варианты — сказы «Провально место», «Заграничная барыня». Когда писатель задумал цикл сказов о первооткрывателях золота на

Урале, о Березовском заводе, перед ним открылась «интересная возможность связать «золотой» цикл с циклом сказов о Даниле и Мите, так как герой сказа «Хрупкая веточка» после расправы над барином бежал... именно в Березовский завод. А главное — было уместно напомнить о забытых героях труда, внесших огромный вклад в развитие отечественной промышленности»⁹⁷.

⁹⁷ Батин М. Павел Бажов, с. 180.

ЛИТЕРАТУРА

Бажов П. П. Публицистика. Письма, Дневники. Сост. В. А. Бажова и М. А. Батин. Свердловск, 1955. См.: с. 44—46, 47—53, 63, 64, 95, 104—107, 110—112, 116—120, 126—129, 144, 174, 192—194, 208, 242—244.

Бажов П. П. Сборник статей и воспоминаний. Сост. К. В. Рождественская. Пермь, 1955. См.: с. 4—9, 17—19, 25, 46, 69—182, 188, 194, 199—201, 207—229, 216, 217, 232, 237, 238, 265.

Мастер, мудрец, сказочник. Воспоминания о П. Бажове. Сост. В. А. Стариков. М., 1978. См.: с. 124—126, 176, 183, 188—189, 208, 216, 218, 270, 273, 290, 291, 302—303, 313, 315, 421—424, 438, 491—494.

Батин М. Павел Бажов. М., 1976. См. гл. «Истоки», с. 203—243.

Батин М. Творчество для народа. — В кн.: Бажов П. П. Публицистика. Письма. Дневники, с. 5—29.

Бирюков В. Рассказ об одной встрече. — Южный Урал, 1951, № 5, с. 42—44.

Гельгардт Р. Р. Стиль сказов Бажова. Очерки. Пермь, 1958. См.: с. 3—12, 19—20, 21, 22, 24—25, 27—28, 31—53, 66, 67—68, 72, 76—81, 86, 88, 92, 93, 98—101, 103, 105, 108—110, 113, 114, 115, 117—118, 123, 132—133, 136—137, 140—141, 145, 150—193, 204, 205—246, 259—260, 262, 263, 271—273, 279, 281, 288—298, 303, 308, 312—313, 318, 320, 321, 325, 327, 329, 331, 345—348, 371, 376, 378—433, 445, 446—447, 449—451, 452.

Гладков Ф. О литературе. Статьи. Речи. Воспоминания. М., 1955. См.: с. 210—212, 219.

Китайник М. Взгляды П. П. Бажова на устнопоэтическое творчество. — Уральский современник, 1956, № 1, с. 203—215.

Китайник М. О собирании уральского фольклора (Роль Бажова в работе уральских фольклористов). — Урал. рабочий, 1952, 13 мая.

Кузнецова Н. В. П. П. Бажов — собиратель и исследователь фольклора. К 75-летию со дня рождения писателя. — Урал. рабочий, 1954, 24 янв.

Нагишкин Д. О сказке. (О взаимодействии литературы и народного творчества в книге П. Бажова «Малахитовая шкатулка»). — Новый мир, 1953, № 3, с. 218—231.

Перцов В. О Бажове и фольклоре. — В кн.: Перцов В. Писатель и новая действительность. Литературно-критические статьи. М., 1958, с. 344—362.

Рождественская К. Новое издание «Малахитовой шкатулки». — Октябрь, 1944, № 1—2, с. 153—155.

Саранцев А. П. П. П. Бажов. Жизнь и творчество. Челябинск, 1957. См.: с. 5, 6, 8, 11, 14, 15, 25—27, 55, 74, 121, 130, 159, 163, 185, 192, 200, 207, 214, 220, 234, 236, 237, 238, 239, 242, 244, 246, 247, 248, 250, 251, 252, 256, 262, 266, 280, 281, 289, 290, 292, 293, 304, 317, 319, 323, 340, 347, 348—350.

Скорино Л. И. Павел Петрович Бажов. М., 1947. См.: с. 3—26, 30—41, 53—56, 60—69, 88, 96, 97, 100—103, 110, 126, 137—156,

160—162, 177, 178, 180—182, 195, 231, 232, 243—250, 252—262.

Скорино Л. И. Павел Петрович Бажов. — Огонек, 1949, № 5, с. 23.

Скорино Л. И. Мастер сказов о мастерстве. — Советская культура, 1954, 30 янв.

Скорино Л. И. Павел Петрович Бажов (1879—1950). — В кн.: Бажов П. П. Соч. в трех томах. М., 1976, с. 3—47, т. 1.

Слово читателя. — Южный Урал, 1951, № 5, с. 33—44.

Халтурин И. Малахитовая шкатулка. — Знамя, 1943, № 5—6, с. 243—246.

Филиппова К. Народный писатель. — Уральский рабочий, 1950, 7 марта.

Чижик-Полейко А. И. Диалектная лексика сказов П. П. Бажова. Автореф. канд. дис. М., 1953, с. 2—4, 7—9.

Шагинян М. Выдающийся художник слова. — Правда, 1944, 4 февр.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
П. П. Бажов как собиратель рабочего фольклора	10
Фольклорный характер циклизации сказов П. П. Бажова	28
Анализ цикла сказов в плане фольклоризма	49
П. П. Бажов — носитель рабочего фольклора	77
Литература	102

**Валентин Владимирович
Блажес**

П. П. БАЖОВ И РАБОЧИЙ ФОЛЬКЛОР

**Учебное пособие по спецкурсу
для студентов филологического факультета**

Редактор А. С. Торощина
Технический редактор Э. А. Максимова
Корректор Т. В. Мамонова

Темплан 1982, поз.

Сдано в набор 29.03.82. Подписано к печати 30.11.82 Формат 84x108 1/32. Бумага типографская № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Уч.-изд. л. 5. Усл. печ. л. 5,46. Тираж 500. Заказ 252. Цена 10 коп.

Уральский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет им. А. М. Горького
Свердловск, пр. Ленина, 51

Свердловск, пр. Ленина, 51. Типолаборатория УрГУ